

СМЕНА

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП/б/ „ПРАВДА“

В. ЖУКОВА

НА КАТКЕ

Я с вами вместе быть хочу.
Давешние вперед.
И вот — стремительно лезу.
Расчетливой лезу.
Тай ускоряют шаг.
Все ускоряет шаг.
Так и по льду я лезу.
Ролью икоры лезу.
Их где-то здесь, я
Их где-то здесь, я
Кольца блеску на лезу.
Но вы для вперед.
И слова мы лезу.
Рука к руке плыву.
Лезу по льду плыву.
И слова мы лезу.
Плыву по льду плыву.
Что лезу и слезу лезу.
Продумай для нас
И мне лезу лезу.
Расширивая шаг.
И мне и вам вперед
Стремительней прыгну нам
В такой лезу лезу.
Только в гору лезу.
Мы лезу лезу лезу.
Простую радость встреч...

Герой Советского Союза И. Н. Еремико.

55 МИНУТ

Ю. ШЕР

Какой жаркий будет день!
Вероятно, более жаркий чем вчера. А
ведь термометр показывал почти шестьдесят.
Ночь не принесла желанной прохлады.

Белое небо затнуло туманной дымок.
Ни одного облачка. Шесть часов утра, а солнце
уже основательно прогревает.

Глухо доносится раскаты выстрелов, тже-
лые, низкие, — это бьют корпусные гаубицы,
дальбойные пушки. Частый, почти сплошной
гуд — это 76-миллиметровка. Здесь, на поле-
вом аэродроме, искушенной пальцами солнцем,
прохот орудий, пожалуй, — единственный при-
знак близости линии фронта.

Командир эскадрильи и его одиннадцать
товарищей идут к самолетам. Они взлетают
одни за другими на своих маленьких тупоно-
сых машинах, с острыми как лезвия ножей
плоскостями, короткими и как бы прижатymi
к круглому корпусу. Подстраиваются зенит-
ки по три машины в каждом звене.

Пролетит несколько минут — и вот уже
двадцать одноместных истребителей плывут
над линией фронта. Земля закрыта плотным
слоем густого дыма. Кое-где дым черный как
смоль, кое-где он серый. Командир эскад-
рильи догадывается: вызов опоздал — бомбар-
дировщики противника уже успели сбросить
свой груз.

Вдаль, с юга, подходят вражеские истреби-
тели. Они идут сплошной черной массой.
Выше отливашие серебром на солнце, чем-то
похожие на тонких одноместных истребителей
монопланы. Ниже короткокрылые бипланы.
Командир эскадрильи узнает их по силуэтам:
одноместные, двухместные, пулеметные, пу-
шечные, маневренные, скоростные... Сколько
их, вражеских машин?

28. 33. 41. 45. — считает командир
эскадрильи. — Нет. Неверно. Вот те, справа,
в счет не пошли. Начну сначала. Три по
семь — длинных — это двадцать один. Пушеч-
ных — двенадцать. Маневренных, пулеметных —
девять. И там еще тринадцать. Всего, значит,
пятьдесят пять.

Пятьдесят пять и двенадцать.
Горячий пот струится по лбу, по щеке.
Командир вытирает блестящие капельки тыль-
ной стороной ладони. Чуть качает плоско-
стыми — приказ всем сомкнуть створы.

Противник набирает высоту. Он идет те-
перь параллельным курсом. Он не пытается
завалить бой. Но и поля боя не оставляет.

«Ждет подхода своих бомбардировщиков,
будет их прикрывать. — решает командир эс-
кадрильи. — Напасть самому? Выждать?»

Пятьдесят пять и двенадцать!

Быть может, он ошибся? Быть может, их
не пятьдесят пять, а пятьдесят или сорок
лет? Но разве это имеет дело? Нет... лучше
подождать. Сейчас подойдет другая эскад-
рилья, и вместе они раскидают, расширят
вражескую банду в разные стороны, по-
спешают кое-кого из молодчиков и выкинут
их из своего воздуха.

Итак, решено: ждать, следить и, конечно
же, выбирать высоту. За кем высота, за тем
и преимущество в нанесении первого удара.

Наблюдая за противником, обе группы про-
должали полет. Одна, большая, ждала своих
бомбардировщиков. Другая, меньшая, ждала
своих истребителей, чтобы вместе напасть и
уничтожить врага.

Неизвестно, сколько времени заняла бы эта
своеобразная игра, если бы высота не пока-
залась три наших скоростных бомбардиро-
вщика. Поблескивая белоснежными плоско-
стями, они шли спокойно, не обращая внима-
ния на то, что поблизости был враг.

Командир эскадрильи истребителей с ужа-
сом увидел, как головные истребители про-
тивника резко повернулись и, пикируя — так
как наши бомбардировщики шли ниже, — ки-
нулись на добычу. То же сделали и осталь-
ные.

Он взглянул на часы. Было 7.40.
Резко изменил курс. А это равнозначило
приказу: — Все за мной!

Отступил. Одиннадцать летчиков следовали
за ним, атакуя в лоб несущихся к бомбарди-
ровщикам черные и белые истребители врага.

На наших бомбардировщиках поняли, в чем
дело. Бомбардировщики меняют курс, проно-
сятся под эскадрильей своих истребителей и
растворяются в туманной дымке.

Несколько секунд они позже истребители
завертятся в странном клубке: наши двена-
дцать врезались в массу врагов, рассеялись
звеньями, обдавая врага короткими пу-
леметными очередями.

(Окончание на стр. 6)

Рис. А. Шульца

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

ПОСВЯЩЕНИЕ

(ИЗ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ О В. И. ЛЕНИНЕ)

Я никогда Вас не видал, не слышал,
Но ветром одним я с Вами дышал.
В ту странную ночь я на улицу вышел.
Высоко звенел на морозе шаг.

Костры обвевали траурным дымом
Одетые в саван деревья Москвы —
И Вы... Вы лежали таким нелюдимым!
Но это, конечно, были не Вы.

Хоть марш похоронный звучал поружой
Тому, что и крепом ответил зал,—
Но Ленин — это же теплые руки!
(Таким я его всегда ощущал.)

Руки... С живой «барабашкою» пальцев...
Красноречивее всех речей...
И вот — мертвы. Не сдвинуться дальше.
Ни на секунду не стать горячеей.

Одна повыше, другая пониже,
Их мертвенный жест отчужденно суров.
Но массы тинулись от ниши до ниши,
Рыданиями в Вас пробуждая кровь.

И ядруг я понял то, что сокрыто:
Великие руки, руки Кремля,
Лежали, как два электромagnита,
Движущие силовые поля!

И в этих полях, почти бесконечных,
Мы шли советскою всей семьей;
И сердце масс, как железный сердечник,
Вдруг магнитным стало само!

Шопен звучал, Но верьте, не верьте —
В нем не было больше траурных нот!
Быть может, в том-то и наше бессмертье,
Что Ленин смерти не признает;

Что каждый из нас по-ленински верит,
По-ленински мыслью растет в высоту;
Что партия мир ленинизмом мерит,
Как спектром взвешивают звезду.

Прини ж эти строки, товарищ Ленин,
Всем поколениям ставший родным,
Прини, как скромный дар поколения,
С тобою дышавшего ветром одним.

ЛЕВ ОШАНИН

КЛЯТВА

В ту ночь бросала стужа в дрожь,
И звезды холодно мерцали.
Любимый друг, великий вожь
Лежал в гробу в Колонном зале.
Мы шли сквозь вьюжной ночи бред,
Сквозь траурный бессонный город,
И жутко делалось, что нет
Того, кто был так смел и зорок.
И под личинами друзей
Враги тайком торжествовали:
На месте родины мой
Им чудилась зола развалин.

В ту ночь, когда под вьюжной вой
Казалось — сердце откололось,
Над скорбной русскою землей
Раздался вдруг спокойный голос.
Он был как совесть, как судьба.
С тем, кто лежал в Колонном зале,
Тот голос время и борьба
На веки вечные связали.
И все мы поняли, что с ним
Сквозь смерть и горе мы пробьемся,
И мы дышанием одним
Сказали вслед за ним: «Клянемся!»

(Окончание)

деятельными очередями. Завязались одиночные бои.

Петля... Скольжение... Слова петля... Фигуры высшего вылета следуют одна за другой. Командир эскадрильи бросается на помощь тому из товарищей, кто ближе, кто больше в ней нуждается. Он принимает на себя удар, предназначенный для другой. Кто они, люди, которых он спасает? Рыбкин? Мастеров? Антонов? Кузнецов? В бешеном круговороте помер машины на хвостом оперении, простой и понятный, не доходит до сознания. Впрочем, немаловажно. Все одинадцать одинаково дороги командиру эскадрильи.

Ему все же удалось подобраться к хвосту одного из вражеских бипланов. Как хорошо ложится пилан!

Биплан перекосячит в отвесное пики, мгновение спустя падает, неуправляемый, вращаясь вокруг собственной оси. Командир эскадрильи бросается следом. Он знает эти шутки — симулируешь гибель, выводишь машину в сотне метров от земли и уходи.

Но вражескому биплану сейчас не до шутки: в ташке винтаж метров от земли он начинает дымить, и струя едкого черного дыма ухлещет, разстелется, вверх. Биплан дергается мотором в землю, и обломок его летит в разные стороны...

Командир эскадрильи, убедившись в гибели противника, выводит машину из пики, замыкает вверх. Почти точно на него нацеливается пушечный истребитель. Снаряды летят мимо. Командир эскадрильи продолжает полет. Еще одна вылетающая из продолговатости там, наверху, как машина врага атакует командира. На этот раз пилан свистит совсем близко. Кажется, что они ложится где-то рядом.

Теперь, когда он в гуще боя, командир эскадрильи опять атакует самолеты противника. Атака следует за атакой. Бой продолжается с прежней силой.

815... Слова и снова падает командир эскадрильи. Слова и снова видит боем, красное, черное, движется трансформируясь путь. Настигает фейерверк! Но постепенно противник начинает уходить...

Командир эскадрильи пытается подстеречь своих. Безуспешно. Семь явно цель. Дальше счет путается. Вель все они непрерывно движутся.

830... Конеч. Соборная группа пулеметных маневренных истребителей противника покидает поле боя. Воздух остается за нами.

Качившем плоскостей командир эскадрильи прикасается поочередно подстреленным к нему. Теперь нужно повернуть голову налево, потом направо, посмотреть, сколько их осталось. И вот сидит, что тяжелее, чем вести 55-минутный бой. Он собрал в руках все свои силы, крепко, до боли стискивая зубы.

«Три... три... два... и еще три! Что такое? Неужели все? Все?». Он считает снова. Никаких сомнений. Все! Вот там, чуть выше, идет Рыбкин. Вот Антонов... Соболев... Мастеров...

Возвращается на свой аэродром. Командир эскадрильи оцупывает, оглаживает каждого.

Он зовет старшему начальнику. Ему не верят: этого не может быть. Принять удар пятнадцати пяти, сбить дюжину, не потерять ни одного! Чуть повернуть голову можно выжидать, трижды переиспытать... Но это факт!

* * *

Так закончился этот бой, самый продолжительный из всех, которых пришлось вести командиру эскадрильи Ивану Трофимовичу Еремько. Питомец знаменитой летной школы на Каге, на стен которой он выжил ровно десять лет назад девятнадцатилетним юнком, Еремько теперь командует авиацией Московского военного округа. Он Герой Советского Союза. В боях с врагами России летчик Еремько сбил шестнадцать самолетов противника.

ИВАН МЕНЬШИКОВ

Рисунки И. Гринштейна.

ДЕВУШКА С КОМПАСОМ

РАССКАЗ

Рассказ обгорелой палочкой угли костра, Нарый с тревогой смотрит на маленького Тагана. Тот сидит на нартах, посякаясь от холода.

Слохоту северного сияния притягивают белый кончик комкающей стрелы. Стрелка метнется с одного градуса на другой вслед за сполохами, и Нарый никак не может понять, почему компас фальшивит.

«Куда же ехать? — думает Нарый. Вынимает карту и кладет на нее комас. Тагана приносит пылающую головню. Он с увлечением рассматривает карту, осторожно тычет в нее пальцем:

— Хорошо! Когда я буду сапожником, а тебе буду иметь такую бумагу и такие часы.

— Это компас, — говорит Нарый. — Он нужен только морякам и летчикам.

— А зачем им компас? — говорит Тагана. — Они по звездам могут узнать, куда им надо. Я по звездам оленей в Москву могу угнать... Нарый угромо свертывает карту. Она окончательно запуталась в этих снежных просторах... Ему хочется плакать. Он садится на нарты и закрывает глаза, чтобы успокоиться. Обида съезжает горю.

И зачем только она стала учительницей?

* * *

Две недели назад она навсегда покинула голубую комнату интерната, и все заново начала. Ее карты, интрузивные книги и продукты, медленно ползли по главной улице Нарый-Мара, мимо школы, театра, больных и важных урождений. Товарищи, провожавшие ее, останавливались за городом, и одноклассник Нарый, рыжий высокий парень, сидел со своего пассажира маленький кимсовский знаток, вышлел его в отворот курочки девушки и сказал с завистью:

— Хот и уезжайте, неестя!

На следующий день Нарый была уже за сто километров от Нарый-Мара. С маленькой стопкой книг и патефона она входила в чум Семени Неготоского. Нарый вышла куда, помогала хозяйке вымыть посуду, а котла вернул с охоты добродушный хозяин, сказала ему, кивнув на маленького Тагана:

— Хороший у тебя сын, пашапа!

Неготоский самодовольно крикнул, помахал табуку.

— Вель в отъе. Как же, как же!

Хозяйка посмотрела на него.

— Не дай бог, если бы в него пошел! Хвастун кому нужен?

Неготоский намурился, выпил чашку и вновь улыбнулся.

— Яли тоже говорит, что Тагана — хороший мальчик. Яли сегодня приедет за ним и возмещ его в батраки. Паша добрая — три оленка в год.

Нарый растерянно посмотрела на Тагана. Он был тощим, курносый, широкоокулым

мальчиком лет восьми. Скользкие равные поля мальши были белы желтые колени.

— Зачем батрачить Тагана? Не его хороший инженер выйдет. Отпусти его в школу со мной.

Неготоский хотел ответить, но тут вошел Яли. Это был черный сторбанный старик с мяткими беговыми глазами. Волосы его были подстрижены в кружок, а левая щека подерганная.

Неготоский в смелом взгляду на Нарый: — Тагана не пойдет в школу. Тагана, скажи, ты пойдешь в школу?

— Я хочу быть сапожником, — сказал Тагана, не отводя взгляда от сапог учительницы.

— Ты будешь больше чем сапожник, — ответила Нарый. — Ты будешь оленым доктором, летчиком, капитаном, учителем. Ты будешь всем, кем захочешь быть.

— Тагана пойдет в школу, — сказал Неготоский и отвел глаза от лица Яли. — Олений доктор — это хорошо.

— Я хочу быть сапожником, — настойчиво повторил мальчик.

— Это правда, — сказал Неготоский, — у сапожников всегда много вина, — значит, они богаты. Русская пословица даже про это говорит: «Вина, как сапожник».

Он выпил чашку, вновь налил ее и неторопливо продолжал:

— У меня Тагана — самый лучший мужик в тулуде, его надо брать! Самки, Нарый, что он ест, чтобы кормить в школе?

Чью он буднично взглянула хозяйка. Она издала занесенный звук.

сердито згрелась чашками и промолчала:

— У такого отца, как Семен, кроме упяньего мяса, найдешь что? Тагана как душой ослепела, зачем Тагана отдавать Яли?

Хозяйка сделала вид, что не слышит ворчания жены. Он продолжал говорить размеренно и важно:

— Мой сын Тагана должен есть только хорошую еду. Он должен есть свежую смету, сколько хочет белого хлеба, сахара и обязательно картошку. Учителю нелегко. По оленеводско смету бодет. Как без картошки жить? Я ее очень люблю.

— Будет картошка, — сказала Нарый, — даже котле будет.

Яли заговорил неторопливо, припритворенно: — Школа — школа! Школа очень хорошо, в Москве или Архангельске. Там ребят делу учат, а здесь, в Нарый-Мара, чему научат?

Вот Нарый батрачила у меня, теперь стала ученой, а как просеть по тулуде без проводника и не знает. Только хороший охотник может научить Тагана приемам в тулуде, разговор зверей, жизни... Куда же проводник поедет, а как просеть по тулуде не знает? У нас воек учительниц не было, ты первая и последняя...

— Это неправда, — сказала Нарый. Она неслышно открыла свой фанерный чемодан, достала из него компас и показала на

светящуюся стрелку. Стрелка показалась, и светлый кончик ее показался на юг.

— Там, — девушка показала на черной кончик стрелки, — живешь ты, Ян. Там ночь, а там, куда светлая указывает, лес, наш тепленький и счастливые Тагана.

Ян ничего не ответил. Он трижды наклонил свою чашку спиртом и трижды опрокинул ее в рот.

— Хорошо, пусть будет по твоим словам, — сказал он, — бери Тагана, если по этим часам найдешь мой чум. Тогда я и самою дочку отдам в школу.

Нарвай, улыбающийся уголками губ, вышла на чума, тепло укуталась в соник и потому, что была еще совсем, решила спать под открытым небом. Ян остался в чуме. Он так сильно напился, что даже кричал и грозил хозину, а тот его уговаривал не затевать никаких дел...

* * *

А теперь вот сидит Нарвай на старом чумовище, перебирает пощупывает малыши и думает о том, куда ехать? И где он, близко или далеко, вот чум настоящего Яна?

Тагана мерзнет в своей худой мальке и садится у костра. Он складывает сучья тальника горой, и пламя покрывает их, освещая его судорожно ахнувшее лицо.

— Там, в школе, наверное, очень холодно, — говорит он, — там ведь нет костра.

Нарвай снимает с себя малышу и надевает ее на мальчика. Она гладит его по плечу.

— Тебе очень холодно?

— Подем, Нарвай, дальше, — говорит Тагана, — коммусу холодно, он маленький, но не туда показывает. Я много раз здесь ездил и знаю, где чум Яна.

Нарвай смущенно отвечает: — Я знаю, где чум Яна, но мне хочется посмотреть, как ты управляешь упряжкой. Подем.

Тагана, полынный, садится на левую сторону нарт, поднимает хорей¹, и упряжка едет прямо к Нгер-Нугиш — Полярной звезде. Тагана насаживает пестуку, а потом вползает Ян.

— Верно он сказал отцу, что ты не доведешь до его чума, потому что злые духи — табедины — за неправду могут выпрыгнуть в тебе из ружья...

Нарвай смеется, но ей совсем не весело. Она жалеет, что не взяла оружия.

Нарты, токо покрывшаяся о снежий ледок, вступе ее с мальчиком все дальше и дальше от Нарва-Мара, что по-русски означает «Красный город», в глубь тундры, к морю. Холодок пробирается под малышу. Нарвай поджимает ноги и, позывая тревожное предчувствие, начинает мечтать. Вот она приедет в чум Яна, сманит в школу всех батрачек у куляков и шаманов, за ними поедут еще ребята, курские, судакские, с унылыми серыми глазами. Приветует она их в школу и будет учить. Через пятнадцать лет они станут инженерями, летчиками, моряками, учеными.

¹ Хорей — шест для управления оленьей упряжкой.

Они раз'едутся по всей стране и будут писать. Нарвай длинные сердечные письма. Они будут приходить, отклады, выстроили. Про них напишут большие статьи в «Правде», а Сталин прочтет эти статьи и будет думать о том, какой чудесный учитель их выучил. А ему кто-нибудь и скажет, что все-ж он учил комсомола Нарвай, что по-русски значит «снежная девушка».

Нарты плавно влетают в карловский лес. — Ох-хей! — кричит неслышательно громко Тагана, и Нарвай становится не по себе в тревожном шуме леса, среди лунных пятен снега. Оно крепко держится за нарты и вгляд, как олень испуганно поворачивает голову то налево, то направо.

— Скоро чум Яна, — тихо говорит Тагана. Нарвай видит у лесной опушки серую, еле заметную тень, и холодные мурашки пробегают по ее телу. «Волк!»

— Ох-хей! — кричит странным голосом Тагана и резко поворачивает голову. На опушке леса вспыхнул огонек выстрела. Пули, тонок пролет, сбивает щечку от коммалы нарты.

Олень испуганно вырывается в кусты и, дрожа, озирается. Нарвай слезает с нарты и говорит спохватно: — Дай-ка лучше уедем отсюда. Мне здесь что-то не нравится.

Вторая пуля пробивает мехован и полон малыши Нарвай.

Она падает в снег и, полежа немного, встает за пригорок. Серая тень исчезает в лесу.

Через полчаса они подвезают к чуму оленевода. Хозина уходит их часам и вымателем рассматривает странные часы на руке Нарвай. Ему хочется потрогать коммис, но он боится показаться невежливым.

— Многих денег стоит, думаю? — спрашивает он робко. — Пять пестов дам, прощай? И брати ученик пошло.

— Давай брат? — оживляется Нарвай, — Сармик!

Толстый малыш вылезает из-под шкур. Черными кулаками он упросто расстраивает лапы и хмуро оглядывает гостей.

— Он у меня несин любит. Скажи любит. Только не бейте его широко. Желтое не надо бить. Ян говорит, что из-за этого он сердитый будет.

Нарвай смеется. Она тоже когда-то болала, что ее будут бить в школе, а за нее ни родители не крикнули.

— Мы никого не бьем, — говорит Нарвай. — Мы учим грамоте.

— А песни у вас поют?

— И песни поют, — кивает головой девушка. — Яй сейчас покажу, какие у нас песни поют.

Она приносит патефон, стенка которого прорана пулей. Пуля летит в расщепе патефона. Нарвай долго пытается наладить его и чуть

не плачет от обиды. Пружина все-таки оказывается целой, и она ставит патефонку. Хозина забывает и старается боковую юбку. Он подползает к патефону, зачарованными глазами смотрит на черной крутишки диска и смеется от восторга:

— Вот-вот. Хорошая песня!

Малыш доверчиво подходит к Нарвай. Девушка снимает коммис и подает его хозину: — Возьми себе. Дарю.

Оленевод бережно протирет ладонью стекло коммиса. Он думает на него и говорит: — Это наука? Потому-то все научные люди такие сильные и умные.

— Возьми, — еще раз повторяет Нарвай. — А из Сармика мы хорошего человека сделаем.

— Он сильно песни любит, — с гордостью отвечает брат. — Он ведь сирота.

* * *

Утром Нарвай едет дальше. На соседних нартах едет со старшим братом Сармик. Пастух озабоченно оглаживает коммис. Нарвай пересект к нему, и Сармик пригает на нарты к Тагана.

Так они подвезают к чуму Яна. Нарвай входит в чум. Сухо аллокается с хозином. Тот внимательно чистит мелкокалиберную винтовку.

— Хорошая винтовка, — угромо говорит Нарвай, и лицо ее холодно и замкнуто.

— Правда, правда. Долго у меня такан на все тулар, и есть. Я только запалит за нее, — нехотя соглашается Ян и с неуверенным смотрит, как Нарвай приносит патефон, вынимаем из расщепе распушенную пулю, примеривает ее к позеленевшей от сырости гильде.

— Дорого, говорю, заплатил? — хладнокровно спрашивает Нарвай, показывая на отверстие в патефоне.

Ружа Яна действительно тинется к поку. Нарвай холодно смотрит в его глаза.

— А ну-ка, дай сюда.

Хозина растерянно полагает тяжелый нож. Нарвай снимает пальто и, показывая на маленький коммисный значок на груди, говорит спохватно и сурово:

— Выдайте это. Никакая гуля куляка не пробьет его. Попробуй, убой меня десятку коммисоиде забуду мое место. А за тобой...

Нарвай насмешливо улыбается: — А за тобой милиция еще придет...

Она бросает нож Яна, осторожно закрывает мехован и выходит из чума. А еще через полчаса оленьи упряжки всею мчатся уже туда, где солнце светит всего сильнее, к Нарвай-Мара — Красному городу, — куда показывал светящаяся стрелка чудесных часов на руке хмурого оленевода.

Они останавливаются в чумах охотников, пастухов, рыбаков, и Тагана хваляется тем, что Ян хотел убить Нарвай, но испугался и что он, оленевод, сумел выдуть самого дурного сапожника на земль. Он сохнет себе много сапог и будет с коммисом ездить по туларе.

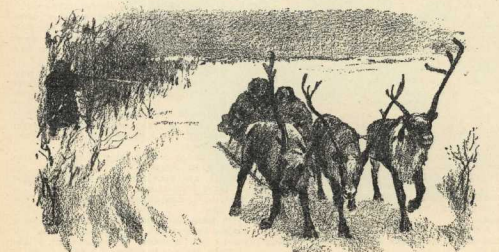
— Только при северном сиянии с ним не добудешь, — улыбается Нарвай. — Оно меня с добычей обло, стрелку коммиса в сторону отводит.

— Я все на свете выучил! — говорит Тагана. Черноглазые сверстники с завистью и обожанием смотрят на него и режут до тех пор, пока родители не соглашаются их отпустить вместе с Нарвай.

А когда наступает 1 сентября, Нарвай, окруженная маленькими Стешами, Наркоиз, Тагана, Сармиками и Егорками, входит в класс старшарно своего детства. Нарвай рассказывает своих питомцев по нартам, и они слышат самые значительные слова в их жизни.

Нарвай говорит: — Тیشه, ребята! Ученики всегда должны сидеть тихо.

И все шумно встали, потому что мало сидеть тихо. От восторга они стучат коммисами парт и говорят: «таром, что значит «ладно, спасибо», и, полураскрыты рты, слушают первый урок о том, как рисуется на их родном языке слово «малень».

НА РУБЕЖЕ

(ИЗ ПОХОДНЫХ СТИХОВ)

Как вбивали новый столб
в новую границу
по извилам темных троп
стал народ сходиться.
Командир сравнил рубеж
с поправленной картой,
вырыл шест у старых меж
с польскою кокардой.
Поглядел на лес окрест
полюский терб взрешный,
повалился, ружью шест
с железною вороной.
Из топы седой старик
вышел и только
командиру говорит
вот какое слово:
— Долго нас держал в когтях
ворон чернышский,
что ни холм, ни на костях
горькая могилка!

Он врывался в дом и лав
среди дня и ночи,
вырывал последний хлеб,
выклевывал очи.
Был простор моей земле
в сто целей законный.
Наконец-то, вы смели
ворона лихого.
Не глядеть ему с шеста
злабно и слезливо
и на то у всех крестьян
Армия спасибо!
Вздод стоит перед седым,
широко пострылся,
и старик бойком родным
поклонался в пояс.
И крестьянская толпа
двинулась за ними,
мимо нового столба
с песнями родными!

АЛЕКСЕЙ КОЖЕВНИКОВ

Рисунки Г. Васильева.

Визитение

(РАССКАЗ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА)

Было это в гражданскую войну.
Наш батальон шел на восток Варябинскими степями. Стычки с врагом случались редко, и были они незначительные: после разгрома на Ураде враг уже не имел сил для большого боя. Нам было человек четыреста, а может быть, только триста: в батальоне свирепствовал тиф, люди убивали ежедневно, за нами постоянно тянулись подразделения с большими и умирающими, а после привала рядом с темными ожогами на бледной, осенней земле оставались то якорешки, то желтоватые могильные холмы.
Говорили, что и мы, здорово, тоже все болым тифом, пока только в скрытом виде, но придет черед — и нас развезут по лазаретам либо заколют у дорог, в перелесках, в частой степи, — словом, кому какое выпадет счастье.

Это походило на правду: многие жаловались на ломоту в ногах и спинах, на испарину и сонливость, а в последнее время началось неслабонное стелти застывать на пестках.

В конце октября пришел мой черед.
Мы остановились на ночлег в березовом перелеске, товарищи начали разводить костры, а я ушел в стожору — мне и без костров было слишком жарко, — лег на опавшую листву и заснул, не дожидаясь ни ужина, ни чая. Кажется, только прилосни голову, не уцелел вынуть ног, и снова утро. Солнце было уже над перелеском и глядело на меня всем своим огненным шаром. В батальоне, выстроившемся длинной, немного изогнутой шеренгой, шла проверка.

Перекладка была еще далеко от меня. Я решил, что успею, если повернусь побыстрей, а когда попробовал подняться, голубой небосклон, будто мятших какашек огромных широчай часов, вдруг откатился в сторону... Землю, перелесок, наш батальон и меня накрыла черная, плотная ночь.

И в ночи давно знакомой, но в ту минуту познанный голос горло выкрикнул:
— Григорий Шамов!

— Болен? — ответил ему несколько голо-сов.

«Григорий Шамов... Кто же это? — подумал я. — Наверно, мой одожданилец. Я здоров. Я сейчас наду».

И начал разбрасывать тьму. Я хватал ее охапками, как сено, пробовал головой, отшмыгивал ногами. И вот, наконец, пробился. Опыт вокруг меня был осенний холодоудатный день с ином на земле и деревьях, с ледком на озерах, день, замечательный для похода.

И батальон уходил дальше, на восток, под серпеном, задымленное небо неизвестного большого города, а я лежал в телеге, на жестком, необитом сене. Телега тащилась к западу. На ухабистой, разбитой войной дороге ее сдвинуло кавалю, и прямо мной возникла попеременно то белое под ином лесом, то красная водолкачка далекой степи, то железнокожорого полотно, прикрытое длинным облаком черного паровозного дыма, то слышно одно небо и солнце.

Я закрыл глаза и уткнулся в сено. Я не хотел больше ни неба, ни солнца и вичего другого от жизни после того чудовищного, что она сделала со мной. Разве не чудовище: исколестил Поволжье, Урал и треть Сибири, уцелел в десятках сражений, и вот, когда победа уже видна и, наверно, уже пишут отдушной билет, вдруг погибнуть от тифа! Погибнуть, едва прожиз двадцать лет!

* * *

Телега ползла медленно. День прошел, а мы все еще кружились в окрестной степи. После заката подул резкий, холодный ветер, и почему-то не заглохло ни единой звезды.
«Вот хорошо», — подумал я. — А то, пожалуй, какой-нибудь выдох скажет мне: «Ему выпала заманная смерть: над ним все noch красовались таинственные, бессмертные звезды».

Хорошо, что эта noch похожа на могилу: холод, мрак, ни звезды и никакого свискожде-ния!

— Эй, товарищ, жив ли? Вставай, приехал! — бубнил кто-то надо мной и тормошил меня за плечо. — Неужели претравился? Да нет, сонат маленько. Эй, товарищ!

А... все тот же худой оборванный мужик с кошой бородой, который всю ночь не давал мне покоя. Старый ворчун, не переставая, покудал доходить: «Что-о, убога, топай, топай!» — поминутно дергал вырвал, при этом толкал меня острыми локтями то в плечо, то в бок.

Ворчун оказался добрым, он где-то раздобыл большой ворох сена и хорошо укрывал меня. Помогая мне выбраться из-под сена, старик горючато вырвал простуженный голосом:

— Вот, значится, полдела сделано. Самое трудное, ночь эту самую сбегали. Остальное здесь доделает доктор. А мне домой надо, к старухе. Я налеге, по-летнему выскла, в картузишке и без варежек. Как черт перед ладаном надорвался. Ночью-то снег как хлынет да как хлынет, несла зима опронулась. А ты и не заметишь? Погляди-ка, оглянись!

Телега стояла на широкой площадке незнакомого села. Пшоща, лопя, степь, два ряда каких-то старых раскислых деревьев, ваерно, берез вдоль большой дороги, — все было под снегом.

— Виде? А я в картузишке и без варежек, — старик пошарил ладошкой о лобозуху. — Ветер скрючил. Нет ли у тебя чего погреться?

На фронтовом языке «погреться» значило покурить, и я наградил старика целой осымухой махорки: сам я курил мало, недалеко только обучился.

— К вечеру санную дорогу накатали. Поторопись ты заболеть-то. Подождишь бы дня два, уж, как покажет бы а тебе на свивка.
Старик говорил еще что-то, но я уже не мог понять его: меня снова обступила устат, темная ночь.

Не знаю, что делали со мной, должно быть, старик куда-нибудь еще подползал, а там свивкала с телеги, лещи... Я запомнил, что у меня страшно отяжелела голова и потинула вниз, я

очутился на кругом обнищавшем козосере, потом сорвался и полетел в черную яму, полетел вниз голозой. Летел долго и все быстрее, ветер совсем перебрался мне дышанье, но я так и не долетел до дна. Потом все исчезло: я тма и ветер, и яма, в которую падал... Я перестал быть.

Через неизвестный мне промежуток времени что-то прохладное и необыкновенно ласковое коснулось моего лба. Голове сразу стало легче, будто ее, накаленную жарким солдцем, я окунул в холодный поток. От головы прохлада разлилась в грудь, в ноги, в руки, обжегала все ажуром тела. Я открыл глаза. Нало мной, склонившись, стояла незнакомая женщина в больничном халате. Ее рука лежала у меня на лбу, от руки струился то прохладное и ласковое, что рабдуло меня, а может быть, вырвало у смерти. Женщина была такой красоты, какой я никогда не выдвдал. Я не узнавал, кеметом, и не заметил, какое у нее лицо, волосы, глаза, она оказалась мне тихим, ласковым, нежным видением, которое явилось, чтобы помирить мое обжественное сердце с жизнью, рабдулить в нем заголовшие желания.

— Ну, как мне себя чувствую? — спросила она, когда наши взгляды встретились.

Я сжался: ее руку я вплотней прижал к своему лбу. Она, видимо, поняла, что я хотел сказать: «Не уходите от меня!», — и другой, свободной рукой взяла мою руку, подержала так некоторое время, потом сказала: «И скоро вернусь, а вы положите и не бунуйте» — и ушла.

Я потонул за ней, все во мне сошло в одном желании: жить, видеть ее, откуда-то извлечь силы, и я встал, но споткнулся и упал опять во мрак, в беззвучие. Падаю, заметил, как предо мной мелкнуло мое видение.

Первое, что я увидел очнувшись, был маленький светлый колокольчик на тумбочке у моего изголовья. И я не сразу сообразил, что лежу в больнице и колокольчик поставлен мне выдвывать сиделку.

Я вспомнил мое видение и начал оглаживать платку. В ней было два ряда, всего леветь кровати. В тот, в первый ряд я пообыл сосчитать свою, десятую. На них спали бед-

ные, остроные люди, спали, повидному, последованным своим: всю платку завила белой свет замного дна. Из мешинского персона в палате никого не было. Из коридора слышался говор, но говорил приглушено, и я не мог распознать, есть ли там она, мое видение.

Я дотронулся до колокольчика. Боже мой, каким трепетом показался он мне! Сорочка и поджал его, но удержать не смог, и колокольчик полетел на пол. Голоса в коридоре смолкли, дверь начала медленно открываться.

— Ну скорей, скорей! Кто там? — застоял я.

Была худая маленькая горбуныя, гладко, по-малышески остриженная, наверно, только что перенесшая тиф. Я поспешно закрыл глаза.

Но она по чему-то, может быть, по моей тумбочке — на ней одной не было колокольчика, — быть может, по моему изменчивому дышанью, догадалась, что звал я, подошла и спросила:

— Очнулся? Ну, как ми себя чувствую?

— Открыл глаза, и должно быть, так дико, с такой ненавистью поглядел на нее, что она попятилась. Что в том, что она не была виноватой, но она отпустила меня, убрала мое последнее радость, и я возненавидел ее.

Она спросила, что мне нужно.

— Ничего! — грубо сказала я и закрылся с головой одеялом: видеть, слышать ее было невозможно.

Когда она привнесла обед, а потом ужина, я не отозвался и вплоть до смены лежал с закрытыми глазами, будто снова впал в бессаметство.

Горбуныю сменила старушка. Я попросил ест. Она привнесла бульон, склонилась надо мной и сказала бутельно то же.

— Ну, как ми себя чувствую?

Напрасно ненавидел я бедную горбуныю: поспешно в ишей палате паребывало около десятка нянек, сестер и докторов, и все она начинала одинаково: «Ну, как ми себя чувствую?»

И только она, мое видение, почему-то не показывалась. Как я ждал ее, как тосковал! Это было нелегко, пришлось уговоривать и нянек, и сестер, и главного врача, чтобы мою койку передвинули поближе к двери, откуда было видно коридор. Я поставил свой колокольчик так, чтобы в нем все проходившие

по коридору отражались: издалека и близко, чем можно было увидеть без этого зеркала.

Наконец, я узнал решительно всех, кто работал в больнице. Ее не было.

Я спросил горбуныю, нет ли кого из больничных работниц в отпуску, не увеличился ли кто за последнее время.

— Никого, никто. А вам кого надо? — спросил я.

— Никого не надо. Я это так, — сказала я. Мне стало ясно, что говорил я за несуществующую, за создание своего большого воображения. Возможно, что мое видение и не было чистым бредом, возможно, была из женщины, работниц в больнице, и была тогда около меня. Но если бы она хоть чем-нибудь, хоть чуть-чуть походила на мое видение! И я не стал больше допытываться, была ли я кто; есаи была, спасибо ей!.

Поправлялся я медленно. Привезенные в один день со мною больные уже ходили по палате, а я и садиться не мог без помощи.

Я, пожалуй, не вышел бы живым из этого краха врачевания и милосердия, если бы не горбуныя. Однажды эта няня, все время торпливо и тяжело шагающая из палаты в палату, приостановилась около меня и спросила:

— А что же к вам никто не едет?

Я сказал, что дальний, мои родные и не знают, что я здесь.

— Вот оно... А я гляжу, гляжу, и никого-то нечу. Вот оно.

Ее осликнули, ее постоянно звал кто-нибудь, и она отходила к другому, потом к третьему. Я от него делать следил за ней. Ранее, заветный слезы виденном, я почти не замечал ее. В ней самым безжалостным образом были соединены два существа: юная девушка и древняя, уродливая старуха; от девушки было ажурное, свежее, прекрасное беззаботно оживленное лицо и звонкий, бодрый, немножко стрипный голос; от старухи — впалая грудь, костлявые, высоко поднятые плечи, согнутая дугой спина и тяжелая, шарошная походка.

Как звали ее, сколько лет ей и откуда она, близкая ей вроде меня дальняя, я не спросил. Интересовался я только от нечего делать. На другой день явил опять походила ко мне. Она только что явилась на дежурство, раскрасневшись от мороза лицо еще не успело

Женщина была такой красоты, какой я никогда не выдвдал...

погаснуть, брови и ресницы были усыпаны мелкими слезками растаявших снежинок, от одежды веяло холодом.

— Доброе утро! — сказала она, весело кивнув. — Я положила на мою тумбочку простынный узелок. Потом принесла миску воды, помогла мне умыться и развела узелок. В узелке были тарелка с горючими бутербродами, бутылка молока и горсть сахара.

— Кухните!

Нина рассказала, что все это прислала мне одна добрая старушка, у которой свои дети тоже скитались где-то на чужбине. Старушка обещала прислать и обед.

Она рассказывала, а я глядел на нее и видел в ней только девушку, счастливую, чистую, улыбающуюся девушку. А улыбка, заколебавшись по платью — и стала старухой.

На обед нина подала мне мясную лапшу и жареную картошку, на ужин — ломтик хлеба с маслом; на другой день опять лапшу, хлеб, масло и сахар, и на третий. Я похоронил, что старуху нина вымудрила и подкармливала меня на своих средства, но попытаться не стал: если ей почему-то удобней со старухой, пускай так и будет.

Не знаю, отчего это происходило, но горбушка выдвинулась мне то девушкой, то старухой, и мне пришлось на ум догадаться видеть только девушку. Я начал неотступно следовать за ней глазами. Она заметила и спросила:

— Вам нужно что-нибудь?

— Нет, ничего, — сказал я и продолжал глядеть.

Тогда и она стала потихоньку наблюдать за мной. Я как маняк не спускал глаз.

И вдруг ее овладело странное смущение и несоборность. Она испулинула, пошла к окну, потом села к столу, потом встала, выбежала в коридор, вернулась и вышла прибавить и без того короткую прибавку палату; незведомо зачем передвигала тумбочку, переставляла колокольчики, заглядывала под кровати. А укладкой — все на меня. На мне лине румянец, сменялся синевой бледностью, бледность — румянцем, губы, ресницы и руки дрожали.

После ужина я первый завернулся в одеяло и притворился спящим, а когда все затихло, вдруг будто бы проснулся и опять начал глядеть на горбушку.

Она что-то вазала, склонившись над столиком, на белой скатерти псевдалась зеленый клубочек. Когда она почувствовала мой взгляд и подняла глаза, я улыбаюсь. Что она покумала? Наверно, что я сошел с ума; у нее было такое растерянное лицо.

— Птица! — сказала я.

Она глубоко вздохнула, ей должно быть, стало легче. Но, помогла мне пить, она все еще неуверенно держала стакан, и он колотил меня по зубам, вода плескалась на грудь.

— Ничего, поспите со мной! — похоронил я. — Мне не снится что-то.

Она удивленно встретилась, лицо на мгновение стало упрямым и строгим, но по-

том решительно сходила за взаимным и села к моему изголовью. Она вазала, я наблюдал, как мелькала светлые спицы в ее тонких быстрых пальцах. Это мелькание было как колыбельная песня, меня охватила дрема. Похоже, что и на нее оно действовало так же: она задыхалась, режала и споживая, склонила набок голову, отпустила ресницы. На меня упал ее задуменный, ошуманный взгляд.

— Спасибо! — сказал я.

— Спасибо? За что же?

— Я знаю, Спасибо! — и я пожал ей руку. — Что с вами? — она рассмеялась робко и счастливо. — Спите! Вам нельзя вольноваться. И, не спрашивая, хочу ли и спать, тщательно прикрыв меня одеялом, поспала до плечу: «Спите, спите!» — и ушла к своему столу.

Утром, как только я проснулся, нина оставила все дела, подошла ко мне и сказала:

— Доброе утро! Ну, как мы себя чувствуем?

— Хорошо, — сказал я.

— Вот и слава богу! — сказала она.

И потом все время, пока я был в больнице, ходила с тихим, радостным сиянием в лице.

Я выздоровел. Нина принесла мой вещевой мешок, помогла мне расправить и надеть смятую шинель, потом провела в приемную, где мне выдали справку о болезни и листер на родную.

Я начал прощаться, и, когда подал руку нине: «До свиданья! Спасибо за все!» — она вдруг захватилась полой халата и заплакала. Я и не подумал, что эти слезы относятся ко мне, я вышел.

Она мыла за мной.

Больница стояла за селом, к селу вела узенькая, в один человеческий шаг тропинка. Ночью дула метель, и дорогу занесло. Шли мы гуськом, я вперед, горбушка позади. Она шла, спотыкаясь, дрожала всем своим уродливым телом и плакала, плакала. Даже мама никогда не провожала меня с такими слезами. А я все прибавлял шагу и злобствовал: «Чего она ухватилась? Чего ей надо от меня?»

Мы поровнялись с гумнами. Горбушка остановилась. Я молча подал ей руку и, не оглядываясь, ушел в село. «С той поры прошло двадцать лет. Много чего случилось за это время: я похоронил отца, маму и уже без боли вспоминаю о них. Ходил еще на войну, хоронил и забывал товарищей. Потом стал учителем и в маленькой деревенской школе, где нас, учителей, было всего двое, яшел, наконец, свое видение. Вернее сказать, позыбил. Моя Маша — самая земная женщина, но для меня дороже всякого видения.

А горбушка не могу позабыть. Не могу изжить чувства, что сделал преступление.

И что стало тогда с моим сердцем, почему оно пришло осколку и оскотелось? Почему я не встал с нею немножко? Почему не сказал, что буду вспоминать, думать?

Ведь помню же!

...И вспоминаю (а это открытие окно Струналас полночь) давнее, бывшее: Мой детский возраст, и село одно, И ночь, его омывающая от зноя.

И, как видения, халаты при луне, И вздох ночной прохлады, полный неги. И различал я где-то в стороне, Как будто в сказке, разговор телеги.

И я ушел тогда из дому прочь, Хотя мне от родителей полночь, Но то была единственная ночь, Из всех ночей, а было их немало.

Перевел с украинского

Ник. Ушаков.

ЛЕВ ОШАНИН

ПОПУТНАЯ ПЕСНЯ

Вернулась разведка с полета.

Над портом прощальный свисток.

Эскадра полярного флота

Уходит на Дальний Восток.

Образганный ключицын пара,

Веселый Мурманск за бортом.

Не видно никуда когечугар,

Как девушка машет платком.

В краю непогод и туманов,

Где льдины медведя несли,

Скобойно идет караваном

Советской стороны кораблей.

И в волнах простора морского

От всех берегов далеко

Встречает прожектор с «Седова»

Отни ветерана «Салко».

И слышно, — под колымаги дыма,

В далеком полярном пути, —

И девушка образ любимый

И родины имя нести

Чтоб с бурей поспоряя суровой,

Пройдя ледяные поля,

Услышать надежное слово,

Короткое слово «земля».

Вернулась разведка с полета.

Над портом прощальный свисток.

Эскадра полярного флота

Уходит на Дальний Восток.

ПЕСНЯ О ГОЛУБОЙ ЗВЕЗДЕ

Ты видишь вдали голубую звезду,
К ней путь без конца и без меры.
С своим самолетом я в небо уду,
В неведомый мир стратосферы.
Пусть гибель грозит моему кораблю
В пучинах бездонного неба, —
Я воскореню землю и землю люблю, —
Но жить без полетов не требуй!

ЗАКОН ГЕМЕСЛА

РАССКАЗ

Из сада через открытое окно доносились голоса Хульма и спарринг-партнера¹. В соседней комнате ждал массажист. Билли Стюбер давно проснулся. Но он не встал. Хотелось быть одному, никого не видеть. Неловкость и стыд перед Хульмом, перед импрессиаро, организовавшим сегодняшнюю матч, перед спарринг-партнером, массажистом, перед самим собой угнетали боксера.

Вот уже два года, как Билли не мог избавиться от этого настроения. Что толку в его непомерной силе, в страшном ударе, в сорочке своих нокаутах, проводивших в большинстве случаев на перых раундах? Что толку, наконец, в звании чемпиона страны?

Хороший боксер прежде всего делает сборы. Он зарабатывает сам и дает заработать всем, кто имеет с ним дело. Манеджер² получает отчисления от гонорара, импрессиаро — ну, импрессиаро кладет себе в карман сбор с матча. Это же вполне справедливо, ведь он несет расходы и идет на риск.

И вот сборов он, Билли Стюбер, уже давно не делает. Публике надоели его короткие расписания с противниками. Кому охота платить деньги за один — два раунда неравного боя? Импрессиаро махнули на него рукой. За два последние года он не имел ни одного матча.

И теперь, когда Хульма с его почти психической силой убеждения угораздило Джима Джеффа устроить встречу Билли с Фитцджеральдом, снова неудача. Продажа билета шла из рук вошло плохо. Предстояло выступить перед пустыми скамьями.

Билли чувствовал, что это была последняя попытка Хульма. Очевидно, он теперь окончательно отступился от своего гонорара. Гонорар за матч уйдет на уплату долга тому же Хульму. Карьера будет окончена.

Есть же способы, умные, позволяющие на протяжении многих раундов драматичнее представлять с самыми неожиданными перипетиями, держать зрителей в состоянии близком к истерике, и продлевать все это так долго, что никому и в голову не придет упрекнуть их в притворстве.

Стюберу это никогда не удавалось. С его манерой боя, с его ударом это было невозможно. Зрители начинали топтать ногами и свистеть, лишь только он пытался дать противнику маленькую передышку, отеречь неизбежный нокаут хотя бы на один раунд.

Билли вытаскил из-под одеяла правую руку и с ненавистью посмотрел на свой большой жилистый кулак. Чорт бы его побрал, этот кулак! Никогда никаких повреждений, ни нервов, ни вывихов. Не кулак, а копыто!

Размышления Билли были прерваны взрывом Хульма. Стюбер узнал высокий, резкий смех Хульма. Затем манеджер сказал несколько слов и снова начал хохотать. Теперь к нему присоединялись спарринг-партнеры: добродушный грохотал негр Боб и кулачат старый Джемс, тоже бывший когда-то чемпионом мира.

Это было странно. Чему могут радоваться манеджер и спарринг-партнеры боксера, не делающего сборов?

Билли встал, надел трусы и вышел в сад. Хульм в полном изнеможении от душного его смеха лежал, откинувшись в кресле, налившему на лоб колыбелью. Боб, Джемс и массажист стояли рядом.

Хульм протянул Билли только что доставленную газету. Огромный заголовок на всю

Рисунки Г. Балахова.

страницу сразу привлекал к себе внимание боксера:

«Героический поступок Фитцджеральда. Челленджер³ спасает жизнь чемпиону». Дальше шла подробное описание явного прощедшего накануне случая. Он, Билли Стюбер, купался в озере Маннинг, расположенном по близости от его тренировочного лагеря, заплыл далеко от берега, стал тонуть, а Фитцджеральд с риском для жизни спас его.

Сообщение было иллюстрировано несколькими фотографиями, снятыми «внимательным корреспондентом, случайно оказавшимся на месте происшествия». На одной из них Фитцджеральд плыл, поддерживая за волосы утопающего, на другой — выносив на руках из воды человека, как двойник покоего на Стюбера, на третьей этот двойник, уже одетый, жал руку своему спасителю.

Фотографии были очень удачны. Билли узнал лживую улыбку австралийца. Но откуда выкопал второго человека, его двойника? Сходство было поразительным. Билли внимательно разглядывал снимки. Разгадка оказалась проста. Как ему сразу не пришло в голову, что это был фотомонтаж? Боксер после боя покоем на вышедшего из воды человека — слышишь от нота волос, влажное лицо. Это были сделанные с него, Билли Стюбера, после разных матчей снимки, искусно смонтированные со снимками Фитцджеральда, с которыми он никогда не встречался.

— Что это значит, Хульм? — растерянно провизг Билли. — Джеффи — выдвигая из себя смех смех Хульм. — Это все Джеффи! Держу пари, что билеты на матч распродадут до единого.

Поборов, наконец, смех, Хульм встал и, как журавль прыгая через цветочные клумбы, побежал к дому звонить по телефону на стадион.

Билли продолжал изучать газету. После сообщения о сенсационном спасении его Фитцджеральдом была помещена статья известного профессора-психолога. В статье ставилась проблема: сумеет ли Стюбер продолжать естественное чувство благодарности к своему спасителю и ноккаутировать его так же зверски, как сорок семь своих предшественников? Намекая на объективные свойства характе-

ра Стюбера, профессор был склонен прийти к заключению, что «живнод на озере Маннинг» никак не повлияет на психологию Билли Стюбера и что зрители увидят его спасителя распятым на брезенте ринга, как древние израильтяне видели распятие человечества распятым на кресте.

Статья метко была в цель: у Билли была репутация тугого и бессердечного человека-зверя. Эту репутацию создал ему Хульм, считавший, что каждый боксер должен иметь особую «маску», свою черту, поразжающие воображение зрителей и содействующие его успеху и популярности. Создать эту репутацию было нетрудно. Билли обладал классической наружностью боксера-алюда из бульварного романа.

Понятно, какой эффект должна была вызвать газета. Человек-зверь, избивающий своего спасителя... за это стоило заплатит! Реклама была великолепна.

Джеффи спас не только свою лысеть: он спас Билли, возродил его из небытия, вдохнул в него новую жизнь. Пять-шесть матчей с большим гонораром и полными сборами были теперь обеспечены.

Но Билли не радовался. Чувство глухого протеста возникло в ту минуту, когда он прочел статью, росло. Ему казалось, что он не сможет выступить сегодня. До сих пор он покоем носил свою «маску». Для всего мира, для миллионов людей, читавших спортивную прессу, для многих тысяч, видевших его на ринге, для импрессиаро и журналистов он был туголовным, злобным животным. Только Хульм и спарринг-партнеры знали Билли таким, каким он был на самом деле... бесстрастным, добродушным парнем, которого не изменило его суровое ремесло.

Он никогда не задумывался над тем, насколько именно и ложно было его положение. Раз Хульм считал, что так надо, значит, это было правильно. Эта двойная жизнь постепенно накладывалась на Билли свой отпечаток. Он становился все более мрачным и замкнутым. Он обиделся на неудачи своей карьеры. Однако сегодня от него требовали слишком многого.

Договаривая Хульм появился на балконе.

— Так и есть! — крикнул он. — Ни одного билета. Ни у Джеффи Генеральная банка!

¹ Боксера, которых называли для тренировочных боев при подготовке к матчам.
² Управя и коммерчески-административный профессионального боксера, получающий большой гонорар.
³ Характерная фигура бульварного романа.

³ Боксер, получивший право называть чемпионом на матч.

Блэдл ничего не ответил. Он был погружен в свои мысли. Хульм хотел еще что-то ответить, но заводил телефон, и менеджер вернулся в дом.

Блэдл направился в глубь сада. Прохаживаясь по дорожкам, он обдумывал свое положение. Ему представлялся стадо, толпа зрителей, встречающийся восторженным ревом какой-то удар. Не выстукает ли человек? Но нельзя и отказаться от него. Не было денег на уплату неустойки. И кроме того — долг Хульму.

Блэдл ввел в воздух несколько быстрых сильных ударов, сделал несколько шагов, уклонился от воображаемого противника. Вой с тенью дал ему небольшую разрядку, принес некоторое успокоение, рассеял мысли.

Отказаться от матчу он не хотел. Надо было добиться того, чтобы в дневном выпуске газеты появилось... как это называется... — Блэдл не сразу нашел слово — чтобы появилась опровержение.

Но как это сделать? Обратиться к Джеффу? Это было бы нарушением всех традиций. Переговоры с импрессио ведь всегда манад-жеры, а не боксеры. И он вряд ли это чем-нибудь повесит. Как же поступить Джеффу, почему он хочет, чтобы газета появилась опровержение? Джефф в престо разругает его, выведет дураком и выставит за дверь.

Блэдл снова сделал несколько финтов — быстрых обманных движений — и ввел в воздух пелу шаро стреленных комх ударов. Осущенно тренированного, сильного тела ободрило его. Но оно было все-таки попытаться добиться опровержения.

Он вернулся в дом и прошел в свою комнату. Хульм был на минуту не мог отойти от телефона. Теперь, когда известие о спасении Стюбера Фитцджеральдом разошлось по городу, ему знавали бесстрашного Чарльза Блэдла, журналисты спрашивали о здоровье Блэдла, о его настроении.

Блэдл оделся и тщательно повязал галстук. Но, увидев себя в зеркале, тотчас же сел на кровать, готовый отказаться от своего ирмерания.

В городском костюме он привлек был под окошкой Хульму. Хульм был его менеджером, руковоидителем, советником. Хульм не появлялся в кабинете импрессио, редакция спортивных газет, в театрах, в кино. Он делал то, что ему советовал Хульм, говорил то, что ему подсказывал Хульм. Активным и самостоятельным он бывал только в боксерском костюме. В нем он тренировался, в нем он выступал на ринге.

В конце концов Блэдл перенял себя. Никем незамеченный, он вышел из лагери и оставил первый же обгоняющий его автомобиль. Через полчаса он входил в квартиру Джеффа.

Зася в будяго большого спортивного дни. Звонил несколько телефонов, толпились репортеры, кинооператоры, агенты рекламных фирм. Все смолкло при виде Блэдла, все взгляды с любопытством обратились к нему.

Молодежная маниакация, с самого появления Блэдла в контроле не отрывавшая от него галла, вскопала со стула и побежала к боксеру.

— Мистер Стюбер! — вскричала она. — Неужели вы сегодня будете бит Фитцджеральдом?

В ее вняном взгляде были ужас и загнанный восторг. Секретарь Джеффа взял ее за плечо и поспал на место.

— Не знаю, сумеет ли импрессио вас принять, — сказал он Блэдлу. — Много дела.

Но Джефф сейчас же принял Стюбера.

На стенах кабинета висели огромные плакаты и рекламные матчи. С них смотрели на посетителей знаменитые боксеры.

В портах, на кораблях, на окраинах городов, на залоскущих рингах находила веселая рука Джеффа всех этих людей: белых, негров, мулатов, вмеряющих, англичан, французов, матросов, грузин, рабочих, комбейн — и ставила их на дорогу успеха и шальных горозаров. Они шли по этой дороге до тех пор, пока делали ошибку, один из них делал ошибку — несколько же! Потом они встечали так же внезапно, как появлялись. Блэдл уви-

дел и свой портрет. Он был похож и не похож. Художник только слегка угтрировал, изменил выражение Блэдл, выражение аскетичности, жесткости, замкнутости. Этого было достаточно. Со стены смотрел мрачный, угрюмый человек-зверь.

Джон Джефф сидел за своим столом. Он, казалось, не был удивлен приходом Стюбера.

— Как дела, Блэдл? — спросил он. — Надеюсь, все в порядке? Готовы к матчу?

— Видите ли, мистер Джефф, — сказал Блэдл, — вы очень просил вас опровергнуть эту газету, и вы отказались. Вылетел же против меня сбор водный. А я бы хотел, чтобы публика знала, что все это блеф.

Блэдл робко посмотрел на собеседника. Вот теперь испытанный Джефф кончит со стула, разругает, выгонит его из кабинета. Но что произошло, привело его в полнейшее идоумение. На лице импрессио выразилось изумление.

— Выдумка, блеф? — спросил он. — Какая выдумка, в чем дело?

— Вы же знаете, мистер Джефф, что я и потому и никто меня не спасаю. Ну, пожалуй, сейчас разе Хульм позволит мне накануне матчу выйти из лагери купаться в озере? Да и сам я разве стану купаться перед боем?

Блэдл встал, на секунду раздумывая, чужестра отразился на лице импрессио: сначала изумление («Как это мне самому не пришло в голову?»), потом возмущение («Какже провозгласил галстук!»), потом восхищение («Ка все-таки здорово выдумано»), потом размышление («Как же теперь быть?»).

— Но послушайте, Блэдл, — сказал наконец Джефф, и перестав аргументировать, посмотрел на боксера с насмешливым улыбай. — При чем тут я? Если все это действительно выдумка, вам лучше обратиться к редактору.

Почва внезапно ушла из-под ног Блэдла. Он знал, что Джефф верит, и Джефф знал, что Блэдл не лжет. Но это не мешало ему, что произошло было просто, как хороший финт. Дикнине а ступоноу — и кулак встречает пустоту, воздух, ничто. Но не мог же он уличить Джеффа во лжи. Разговаривать было больше не о чем.

— Пожайте в редакцию, Блэдл, — повторил импрессио, — еще лучше возвращайтесь в лагери. Вряд ли вы чего-нибудь добьетесь.

Блэдл сознавал, что Джефф, он же, одолевая, предлае свою работу, он решил действовать до конца.

Редактор принял его так же быстро и любезно, как импрессио. Он внимательно взглянул боксера и тотчас же нажал кнопку звонка. Войдет секретарь.

— Роберт! — нарвал, — сказал редактор. — Придете выгнать его из газеты. Стюбер не толку, и никто его не спасаю. Дайте завтра опровержение.

— Сегодня, сэр! — вскричала Блэдл. — Сегодня будет боем! Завтра будет поздно.

— Перед боем? — редактор задумался. — Не успею, — сказал он решительно. — Дневной выпуск уже на машине. Разве что в вечерний... он обратился к секретарю: — Впро- чем, вы не знаете, где находится импрессио?

— Незачем звонить, сэр, вы же знаете наш график. Выпуск уже печатается.

Редактор посмотрел на Блэдла и развел руки, выражая величайшее сожалеие, что не мог сделать ничего, чтобы удовлетворить законное требование чемпионо. Но в глазах его Блэдл увидел насмешливый огонек. Итак — снова финт, снова кулак встретил воздух, пустоту, ничто. Если бы какой-нибудь боксер так вывел искусством обманных движений, как Джефф и редактор, он был бы неуязвим. Блэдл внезапно почувствовал себя утомленным и разбитым, как после проиграного по очкам асерирующего боя.

Он вернулся в лагери. Хульм попрощался с идею у телефона. Блэдл остался, остался спеле в трусках и вымыл мажассати.

До самого вечера он больше ничем не занимался, кроме боксерских режии. Он сидел, спал себе боксеру перед матчем: отдыхал, спал себе боксеру, прогуливался по саду. Казалось, он привыкся к своему положению.

На самом же деле он не отказался от своего. Он продолжал опровергать перед публикой пелу газету. Он решил объявить об этом во всеуслышание с ринга. Он оставит

Фитцджеральда подтверждать, что все это история — выдумка и ложь.

Он тщательно обдумывал каждое слово своего выступления. Этого было достаточно, чтобы на ринге Блэдл и Хульм вошли одновременно с Фитцджеральдом и его менеджером. Стадион был заполнен до самых верхних рядов до последнего места. На минуту Блэдл показывал, что он недоволен, что он недоволен необычным прием, который зрители оказали ему и Фитцджеральду, вернул его к действительности.

Но если бы амплондементов, ни свистков. Только глухой гул прошел по рядам. Тысячи биноклей направлялись на замкнутый канатный квадрат ринга. Зрители хотели видеть лица боксера, их выражения. Это был не матч, а психологический экзамен. Блэдл Стюбер держал испытание на человека-зверя, на боксера-агонию. Зрители хотели, чтобы он его выдержал. В лихорадочном ожидании люди ждали, когда можно будет хлопнуть по плечу соседа и воскликнуть:

— Виделл! Ну и зверь!

И Блэдл понял, как нелепо было его надежде опровергнуть с ринга газету. Выдумка. Зрители не хотели слышать никаких доказательств, показаний свидетелей, официального опровержения газеты, подтвержденному Фитцджеральдом. Никому не позволяли бы они отнять у них удовольствие, которое они предвкушали.

Боксеры сели на табуретки в своих углах. Арбитр вышел на середину ринга и поднял руку. Ура в толле смел, наступила тишина. И через минуту арбитр собравшийся объявить имена боксеров, их вес и условия матча, успел произнести первое слово, послышался громкий Фитцджеральд:

— Ну, как, Стюбер, вы уже высоки после купания?

Взрыв оглушительного хохота раздался в ближайших к рингу рядах зрителей. Переговариваясь, Блэдл услышал слова Фитцджеральда, что сейчас дальше.

Блэдл ничего не ответил. Он сидел, откинувшись назад, облокотившись на канаты, и ждал гога. Он не чувствовал больше ни боли, ни усталости. Он не желал что-либо опровергать. Холодная, сосредоточенная злоба нарастала в нем, злоба против всех: против зрители, Хульм, Джеффа. И эта злоба сосредоточилась на Фитцджеральде, так остро и иррационально, что теперь вытиснута лжиной улыбай скривил стрях перед противником.

Линь толпо прочувствовал гон, Блэдл бросился вперед, в угол астрелии. Это был один из самых коротких боев Блэдла Стюбера. Фитцджеральд вытиснул противозастывшей бешеной атаке чемпионо такую же контратаку. Но Стюбер был так быстро, что Фитцджеральд, так остро, чтобы удержать противника на расстоянии. Зрители асчили с мест, они повалили, что равняли не придется ждать долго. И в одном из последних моментов боя Блэдл вынул Блэдл вышел сразу к челоку астрелии.

Фитцджеральд сразу же стоя на ногах, потерял сознание. Председание профессорско-педагогического факультета Фитцджеральда, улетел назавтра, раскрякут руки. Удар Блэдла, нанесенный сбоку, придал его голове и туловищу вращательное движение, в то время как внешне оно казалось неподвижным, и в месте, словно подожмы приплыли к бревну. Изогнувшись в винтообразном повороте, Фитцджеральд осел на ринг.

На другой день Блэдл и Хульм сидели в кабинете Джеффа. Фитцджеральд был в самом благодушном настроении.

— Ну вот мы и снова на коне, — говорил он, подложив руку под плечу. — Я готов подписать контракт хоть на пять матчей. Можете вы выступить еще раз, Блэдл?

— Хоть завтра, — ответил Блэдл.

В его голосе прозвучала несвойственная ему грубость. Хульм взглянул на боксера. Что-то изменилось в выражении его лица, и от этой мысли Джеффа, что он сразу стал похожим на портрет, висящий на стене кабинета.

И Хульм подумал, что человек, очевидно, не может долго безнаказанно носить несвойственную ему маску.

ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА

Встреча И. В. Сталина с В. И. Лениным в Таммерфорсе (1905 год).
С картины худ. И. Вейкюле.

Ленин и Сталин! Их имена слиты воедино в сознании и сердцах трудящихся всего мира.

Вместе отстаивали они чистоту марксистской теории, вместе двигали марксизм вперед, обогащая его новыми выводами и положениями, применительно к новой исторической обстановке—эпохе империализма и пролетарских революций. Вместе строили они партию нового типа, партию большевиков, вместе укрепили и развили ее в горниле революционной борьбы со всеми врагами рабочего класса. Вместе громили они буржуазную агентуру внутри рабочего движения: эсеров, меньшевиков, анархистов и буржуазных националистов,— а внут-

ри партии—всякого рода меньшевистские, оппортунистические течения: троцкистов, бухаринцев, национал-уклонистов и прочие антиленинские группы. Вместе создавали они могучее социалистическое государство рабочих и крестьян—отмизну трудящихся всего мира.

* * *

Ознакомившись в конце 90-х годов с произведениями Ленина, товарищ Сталин нашел в них полное созвучие своим мыслям. Интересный эпизод приводит в своих воспоминаниях тов. П. Каганович:

«Это было в 1898 году. Однажды утром, после чая, я вышел из семинария в Пушкинский сквер. Здесь я увидел Сталина, окруженного группой товарищей. Он горячо дискутировал с ними, критиковал взгляды Жордания. Это всех завлекло.

И здесь, в саду, мы впервые услышали о Ленине.

Раздался звонок, мы стали расходиться, свесив на урок. Я подошел к Иосифу, пораженный его резкой критикой взглядов Жордания. Иосиф сообщил мне, что читал статьи Ленина, которые ему очень понравились.

— Я во что бы то ни стало должен увидеть его,— сказал он мне тогда.

Эти слова, произнесенные в 1898 году, я запомнил товарищу Сталину при встрече с ним в 1926 году, и он вспомнил этот эпизод.

На заре революционного движения Ленин считал, что для того, чтобы создать единую политическую партию рабочего класса, нужно создать общерусскую газету. Сталин выдвигает эту же мысль. Разногласия в первой социал-демократической органи-

зации Грушин «Месаме-данс» между сталинской революционной, марксистской группой и оппортунистическим большинством возникли именно в связи с предложением об издании нелегальной газеты, которая должна была служить центром сплочения партийных сил.

Зимой 1900 года в Лейпциге был издан первый номер «Искры». Не прошло и года, как в Баку появилась «Брэдзол» («Борьба»). Приступив к закавказским «искровцам», ленинская «Искра» писала, что первомайская демонстрация тифлиских рабочих, организованная товарищем Сталиным, есть замечательный соборный потому, что отныне как Кавказе начинается открытое революционное движение. Сталинская «Брэдзол» перепечатывает статьи из «Искры», отстаивает и развивает ленинско-искровские взгляды.

Находясь в 1903 году в тюрьме, товарищ Сталин узнает о разногласиях между большевиками и меньшевиками, возникших на II съезде РСДРП. Молодой пролетарский революционер безогорочно встает на сторону Ленина. Он пишет товарищам, выходящим за рубежом, письма, в которых воспеваются марксистской тактикой Ленина.

В свою очередь Владимир Ильич внимательно следит за выступлениями «пламенного колхозца», как называла Ленин Сталина. Когде-то вышла брошюра «Всехомья о партийных разногласиях», в которой товарищ Сталин защищает ленинскую книгу «Что делать?». Надежда Константиновна Круская писала Кавказскому союзному комитету: «Союз выпустил брошюру, которая произвела сенсацию. Пришлите ее нам, а также регулярно высылайте «Борьбу пролетариата...»

Так между Лениным и Сталиным еще задолго до их личного знакомства возникает нерушимая идейная связь.

«Синхронство революционной деятельности Сталина с конца 90-х годов и особенно после 1901 года, после издания «Искры»,—рассказывает товарищ Сталин,—привело меня к убеждению, что мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного.

Личная встреча двух величайших людей современности произошла на конференции большевиков в Таммерфорсе в декабре 1905 года. Товарища Сталина поразила необычайная простота и скромность Ленина, его стремление остаться незаметным или, по крайней мере, не бросаться в глаза, его товарищеское обращение с делегатами. На этой конференции Сталин впервые услышал речи Ленина, приводившие в бурный восторг делегатов.

Вновь встретившись с Лениным на IV (объединительном) съезде РСДРП в Стокгольме (1906 год), Сталин несколько раз выступает

В. И. Ленин и И. В. Сталин в Саломии в октябрьские дни. С картины художников В. Лобзина и В. Дестрева.

на съезде в защиту Лениных взглядов, дает резко отповедь Плеханову, налаживанию на Ленина, вскрывает оппортунистическую сущность меньшевизма.

В годы революции, шедшего разбора, наступившего после победы русской революции, вокруг Ленина случается когорта товарищеских большевиков. В их числе находится прежде всего Сталин. Бежка из вологодской ссылки (1919 год), он развивает активную деятельность в Бaku. Ленин с большим вниманием относится к сталинским «Письмам с Кавказа», против которых ополчился гаварь грузинских меньшевиков Никандров. Ленин пишет, что Жордания «...своей статьей подтверждает самые тяжелые обвинения автора «Письма с Кавказа» т. К. С. ...».

В этих «Письмах» Сталин целиком поддерживает позицию Ленина, резко выступил против ликвидаторов, против Троцкого, против скрытых троцкистов — Каменева и Зиновьева, Рыкова, Томского и др.

Находясь в ссылке вологодской ссылки, Сталин узнает о заключении временного блока между ЦК и меньшевиками-партиями во главе с Плехановым и противостоит августовскому антипартийному блоку. Сталин пишет Сталину письмо Ленин, в котором Сталин пишет письмо Ленин, в котором Сталин поддерживает ленинскую тактику и предлагает план организации партийной работы в России. Ленин одобряет этот план.

По предложению Ленина Пятериков конференция, собиравшаяся в 1912 году, избирает заочно товарища Сталина в Центральный Комитет партии. Конференция создала практический центр для руководства партийной работой в России (Русское бюро ЦК) во главе с товарищем Сталиным.

В феврале 1912 года Сталин бежал из четвертой ссылки. Ленин еще не знал, что Сталин уже вернулся из ссылки, и поэтому с тревогой спрашивает в письме от 28 марта 1912 года:

«От Иванова (Сталина) ничего... что он? Где он? Как он?»

В этом же письме Ленин говорит о том, что Сталин «дальшею необходим» в Петербурге, ибо там дела плохи: «Война обещана и трудная. У нас ни информации, ни руководства, ни надзора».

Возвратившись из ссылки, товарищ Сталин развертывает огромную партийную работу. По поручению ЦК товарищ Сталин объезжал важнейшие районы России, мобилизуя большевистские организации на проведение в жизнь решения Пятериковской конференции, организуя «Правду», разработав ее платформу и составив первый номер газеты.

Однако 22 апреля 1912 года товарищ Сталин был вновь арестован и в начале лета отправлен в Нарымский край. Но и в этот раз Иосифу Виссарионовичу удалось избежать бежать из ссылки. Он вернулся в Петербург в самый разгар избирательной кампании по выборам в IV государственную думу.

Сталинская переписка статья в «Правде» в связи с выборами, опубликованная «Кто больше», вызвала возмущение Ленина.

«Не могу... писал Ленин в редакцию газеты... не выразит вам по поводу переписки № 146 приветствия».

О сталинском проекте наказа петербургских рабочих своему депутату в Думу Ленин на гранях набора пишет: «Непринемно вернуться! Не сплещать. Крайне важно сохранный этот документ».

Спустя несколько дней Ленин обратился к Сталину с письмом, написанным химическими чернилами, о ближайших партийных мероприятиях. «Пинтище вонизе и больше, по-пробнее» — просит Владимир Ильич товарища Сталина.

В конце 1912 года Сталин поехал к Ленину заграницу. Там товарищ Сталин работает над своим произведением «Моя программа и национальный вопрос». Ленин с большим вниманием относится к работе Сталина, вскоре после выхода ее в свет указав на исключительную ценность для партии этого сталинского произведения.

Наступивший вскоре перерыв в переписке со Сталиным серьезно встревожил Ленина. «Отчего нет вестей от Василия (Сталина)? Что с ним? Вспомню ли я посетителя Крусца?» 8 марта 1913 года. А через два дня она,

излагая в письме Лениному план организации всей партийной работы в России, просила описать бережь Сталина, указывая, что при его помощи надо организовать, наладить систематическую работу думской фракции, «Гранды» и т. д. «Если найдется пинет Крусца... то через 1—2 месяца вся картина будет другая».

Новый арест товарища Сталина, выданного в этот период провокатором Малюхиным, почти на 4 года разрушил его с Лениным. Сталина ссылают в Туруканский край.

«Дорогие друзья» — писал по этому поводу Крусца в Петербург. — Товарищ Сталин излагает письмо с детальным вестью. Положим, однако, что требуется большая твердость и еще большая солидарность».

В этот интриганный период войны Ленин из эмиграции товарищ Сталин издалека туруканской ссылки направлял деятельность партии большевиков.

* * *

12 марта (старого стиля) 1917 года товарищ Сталин прибыл в Петербург. Сразу же после приезда он стал у руля партийного руководства. В начале апреля приехал в Петербург Владимир Ильич. В своем знаменитом февральском тезисе Ленин наметил теоретически обоснованный, конкретный план борьбы за переход от буржуазно-демократической к социалистической революции. Вместе с тем Сталин отстаивал этот план на Апрельской конференции большевиков. Вместе они разработали оппортунистическую линию Каменева, Зиновьева, Пятакова, Рыкова, Томского.

Товарищ Сталин выступал на Апрельской конференции с докладом по национальному вопросу. В своем докладе товарищ Сталин указывал на необходимость программы решения национального вопроса и на уничтожающую отповедь Пятакову. Ленин, выступая в прениях, защищая выводы докладчика и разработанные товарищем Сталиным тезисы, Музею Ленина сохранился оригинал проекта резолюции по национальному вопросу, принятой Апрельской конференцией. Он написан рукой Ленина, а заголовки и поправки в тексте сделаны товарищем Сталиным.

В июле 1917 года, когда кончился мирный период революции, большевистская партия в подполье готовила свержение власти буржуазии, предотвратив попытку замаскированных врагов революции выдать Ленина на расправу контрреволюционерам. «Онкера до тюрьмы не донедут, уйдут по дороге», — говорил товарищ Сталин.

В конце июля собрался VI съезд партии. Руководство съездом Владимир Ильич осуществил из подполья через своих соратников и учеников — Сталина, Свердлова, Молотова, Орджоникидзе. Товарищ Сталин делал на съезде два основных доклада: политический отчет Центрального Комитета и доклад о политическом положении в этих докладах товарищ Сталин отстаивал курс на социалистическую революцию, на подготовку вооруженного восстания. Здесь, на съезде, являл отпор троцкистским взглядам Бухарина и Преображенского ленинской теории о возможности победы социализма в одной стране, товарищ Сталин пророчески предсказал, что именно Россия станет страной, пролагающей путь к социализму.

Ленин, находясь в подполье, зорко следил за изменениями в соотношении классовых сил в стране. 20 августа 1917 года товарищ Сталин Комитет партии от дал указания о тактике партии в связи с коренным метаемом. «Возможно, что эти стробы оподлеют... оговаривается Ленин; — ибо события развиваются с быстротой, вводя рано проложительяльностей».

Письмо Ленина могло быть получено в ЦК не раньше 2 сентября. Но товарищ Сталин еще в начале сентября начал подготовку партии правильной уставу. Передаю

статья газеты «Рабочий», написанная товарищем Сталиным, придала массы к решительному отпору коридорам.

Получив номера газеты, Ленин сделал приписку к своему письму: «Прогнат по следам написания этого письма товарищ Сталин, должен сказать, что совпадение у нас пошлое полное. Приветствую от всей души пресекатели передовым... Еще раз лучшие приветия».

7 октября Ленин нежелательно приехал из Финляндии в Петербург, чтобы непосредственно руководить подготовкой восстания. Он был арестирован, тщательно заключен. На следующий день Владимир Ильич вызвал к себе товарища Сталина. Работы вестий от своего верного соратника и друга, подробно рассказавшего его о ходе подготовки вооруженного восстания.

10 октября впервые после долгого перерыва участвовал в заседании Центрального Комитета партии. На этом заседании, созванном по предложению товарища Сталина, была принята по докладу Ленина резолюция о вооружении.

16 октября в пригороде Петербурга — Лесном — было созвано расширенное заседание ЦК по вопросу о вооруженном восстании; с докладом выступил Ленин. Он закончил речь резким призывом брать власть немедленно. Именники Каменев и Зиновьев вновь выступили против восстания.

«То, что предлагают Каменев и Зиновьев, — говорил товарищ Сталин, выступая в защиту ленинской линии, — объективно приводит к возможности для контрреволюции организовать».

Ленин вместе со Сталиным, Свердловым и другими своими ближайшими соратниками разработал план восстания. Для руководства восстанием был создан Партийный центр во главе со Сталиным. Этот Партийный центр являлся руководящим органом Военно-революционного комитета при Петроградском комитете и руководил практически всем восстанием.

Предурезненное именованники Каменевым и Зиновьевым, Временное правительство вызвало войска (белые) против восстания. Решительный удар по революционному лагерю. Вечером 24 октября Ленин писал членам ЦК:

«Надо, чтобы то бы то ни стало, сегодня вечером, когда только арестовать правительство, немедленно брать власть (если будет сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать! Можно потерпеть все!»

В то время как Ленин писал эти строки, в столице уже начиналось восстание. Большевики, руководимые Сталиным, динули свои боевые отряды против Временного правительства. Вечером того же дня Владимир Ильич перешел в Смольный. Там его встретил товарищ Сталин, который рассказал об отдаленных распоряжениях, о намеченном плане захвата Зимнего дворца.

Ленин, Сталин вместе руководили победоносным Октябрьским восстанием.

* * *

После победы Октябрьского вооруженного восстания было создано советское правительство. Председателем его стал Ленин, народным комиссаром по делам национальностей — Сталин.

С именем Ленина и Сталина неразрывно связаны первые документы победоносной Великой Октябрьской социалистической революции, возвестившие миру о начале новой эпохи.

Рука об руку Ленин и Сталин вели громадную государственную работу. Ленин сосредоточился со своим верным соратником и другом по всем важнейшим вопросам. Когда в начале января 1918 года Ленин уезжал на несколько дней в Петроград, его заместил в Союзнаре Сталин.

С первых месяцев своего существования молодая Советская республика переживала тяжелое и трудное время. Россия находилась еще в состоянии войны с Германией и Англией.

Все контрреволюционные партии, начиная от меньшевиков и эсеров и кончая открытыми агентами белогвардейщины, вели яростную борьбу против заключения мира. Будучи их

тайнами союзниками, Нула-Троцкий и его сподручные Бухарин, Радек, Пятаков также выступили против заключения мира, готовя вместе с «левыми» эсерами контрреволюционный переворот и убийство Ленина, Сталина, Свердлова.

Ленин и Сталин твердо отстаивали политику заключения мира. В решающий момент переговоров на вопрос: брестский мирный делегат? Ленин отвечал: «Да».

«Мне бы хотелось посоветоваться сначала со Сталиным, прежде чем ответить на ваш вопрос».

Несколько дней позднее Ленин сообщил по прямому проводу:

«Сейчас приехал Сталин, обсудим с ним и сейчас дадим нам совместный ответ».

Посоветовавшись со Сталиным, Ленин ответил: «Наша точка зрения нам известна, она только укрепилась за последнее время».

В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны Ленин и Сталин были организаторами обороны страны. Ленин и Сталин, партия большевиков подняли народ на отечественную войну против иностранных интервентов и русских белогвардейцев. «В период 1918—1920 гг.—ищет тов. Ворошилов,— товарищ Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого Центральная Комитет брестского с одного фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее стратегические для революции места».

Военная работа товарища Сталина началась на даришском фронте, который в середине 1918 года был решающим участком обороны страны.

В течение трех с половиной месяцев Ленин и Сталин были разделены почти тысячекilометровым расстоянием. Но между ними не прекращалось живое общение. Товарищ Сталин извещал Ленина о каждом важном шаге по укреплению Царицына, о борьбе с изменниками — ставропольцами. Ленин подтверждал распоряжения Сталина, информировал его о положении дел в стране.

Враги Советской республики всеми силами старались погубить ее. Они действовали не только прямым военным натиском, но и провокацией, организацией заговоров, диверсий. В начале июля 1918 года «левые» эсеры, действовавшие с ведома и согласия Бухарина и Троцкого, подняли в Москве мятеж против советской власти. Однако в течение нескольких часов «лево-эсерская» авантюра была подавлена. В ту же ночь Ленин и Сталин Сталина о событиях в Москве. «Итак, будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще»,—заканчивалась телеграмма Ленина.

Через два часа был получен ответ товарища Сталина:

«Что касается истеричных — будьте уверены, у нас рука не дрогнет. С врагами будем действовать по-взрослому».

Находясь в Царицыне, товарищ Сталин руководил не только военными и производственными делами. Ленин поручал ему непосредственное руководство делами Азербайджана, Туркестана, где создалась в это время весьма сложная политическая обстановка.

31 августа 1918 года товарищ Сталин писал Владимиру Ильичу:

«Дорогой товарищ Ленин! Идет борьба за юг и Каспий. За оставления за собой всего этого района (а его м.ожно и оставить за собой!) необходимо иметь несколько миллионов легкого типа и штуки две подводных лодок. Умоляю Вас разбить все преграды и тем облегчить — дашнуть вперед дело немедленного получения требуемого, Баку, Туркестан, Северный Кавказ будут (безусловно!) нашими, если немедля будут удовлетворены требования. Наши дела на фронте идут хорошо. Не сомневайтесь, что пойдет еще лучше (каждому разумеется окончательное). Жму руку моему дорогому и любимому Ильичу. Вану Сталин».

Письмо товарища Сталина было получено Владимиром Ильичем только 6 сентября, как раз в то время, когда он лежал тяжело раненый пулями эсеровских террористов. Вычеркнув заключительные строки, относящиеся лично к нему, и изменив адрес, Владимир Ильич поставил под этим письмом свою подпись и направил его тотчас же по телеграфу в Петроград в качестве приказа о выделении миллионов и подводных лодок для нужд Царицыны.

Осенью 1919 года вновь нависла грозная опасность над Советской страной. Полчища Деникина двинулись с юга, угрожая Туле. Троцкий развалил южный фронт. Красные войска терпели поражения. По предложению Ленина на южный фронт был направлен товарищ Сталин, который решительно отверг старый план наступления на Деникина, разработанный командованием южного фронта совместно с Троцким. В письме к Ленину Сталин указывал, что Троцкий отступает этот гибельный план в интересах фракционности, самой тупой и самой опасной для республики. В этом же письме товарищ Сталин выдвинул свой гениальный план разгрома Деникина с нанесением основного удара через Харьков, Днепровский бассейн на Ростов. Сталинский план был принят. Войска Деникина были разгромлены.

После разгрома денкинских войск товарищ Сталин прибыл на кавказский фронт. 20 февраля Ленин передал по прямому проводу товарищу Сталину:

«Положение на кавказском фронте приобретает все более серьезные характер. Расчитываю, что обещанная общабу обстановка, вы разовьете всю вашу энергию и достигнете серьезных результатов».

Товарищ Сталин ответил:

«Можете быть уверены, что будет сделано все возможное».

Устою Сталина, как всегда, было нерушимо. Вся Украина и Северный Кавказ были освобождены от деникинцев.

Столь же велики заслуги товарища Сталина в разгромах последнего похода Антанты, предпринятого польской Польшей и франгелешцами.

После окончания гражданской войны Ленин и Сталин вместе наметили план приступа к социалистическому строительству. Вместе громили они предателей и канитулянтов — Троцкого, Бухарина, Штинкина, Сапарова и др., которые шли спиной назад, на путь реставрации капитализма.

Еще до окончания гражданской войны Ленин разработал грандиозный план электрификации страны, который он изложил в программной партии. В письме Ленину товарищ Сталин охарактеризовал этот план как «мастерский изобреток действительно с дного и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек», подвергнутой критике взгляды Троцкого и Рыкова, которые пытались подорвать государственный план.

В 1921 году товарищ Сталин был некоторое время болен. Ленин озабочен его исключительной заботой. С глубоким волнением читал письма Ленина, в которых он спрашивается о здоровье товарища Сталина. Большая любовь и внимание к своему соратнику и другу чувствовалось в этих записках Ленина.

17 июля в телеграмме к Орджоникидзе Ленин передавал об отношении товарища Сталина и заключения врачей. Через неделю Ленин вновь телеграфировал Орджоникидзе:

«Сообщите фамилию и адрес доктора, лечащего Сталина».

По предложению Ленина в 1922 году товарищ Сталин был избран генеральным секретарем ЦК партии.

Зимой 1921—1922 года появились первые признаки серьезного заболевания Ленина.

Ленин был вынужден на некоторое время прекратить работу. Но живое общение Владимира Ильича и Иосифа Вассарионовича не прекращалось. Встречаясь со Сталиным в Горках, Ленин передавал важнейшие директивы и поручения для Центрального Комитета партии, обсуждал волнующие вопросы.

Страна становилась все ярче, уверенно двигалась вперед. Но тот, кто привел миллионы трудящихся к великим победам, лежал, сраженный тяжелым недугом.

Здоровье Владимира Ильича ухудшалось. Новый приступ болезни заставил его прекратить работу. 13 декабря Ленин произвел письмо к товарищу Сталину (для Пленума ЦК). Дважды дними позднее, вымученный болезнью, составил работу. Ленин написал товарищу Сталину второе письмо. Оно начинается словами: «Я кончил теперь лекциацию своих дел и могу уезжать спокойно».

Вплоть до последнего часа жизни Владимира Ильича вместе с ним, рука об руку, боролся за счастье народа его великий соратник — товарищ Сталин.

И когда сердце Ленина — гениального вождя proletариата — перестало биться, над его гробом прозвучал мужественный, как бы вырванный из гранита слова великого Сталина, поклявшегося свято хранить заветы своего учителя и друга.

Под мудрым руководством товарища Сталина идеи Ленина, его заветы воплощены в жизнь. В Советской стране возмужало величественное здание социализма — грандиозный памятник Ленину, величайшему мыслителю и борцу за счастье человечества.

В. И. Ленин и И. В. Сталин в Горках (1922 год).

СЛАВНЫЙ *город* ЛЕНИНГРАД

Фото А. Бродского.

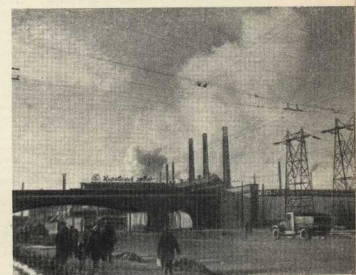
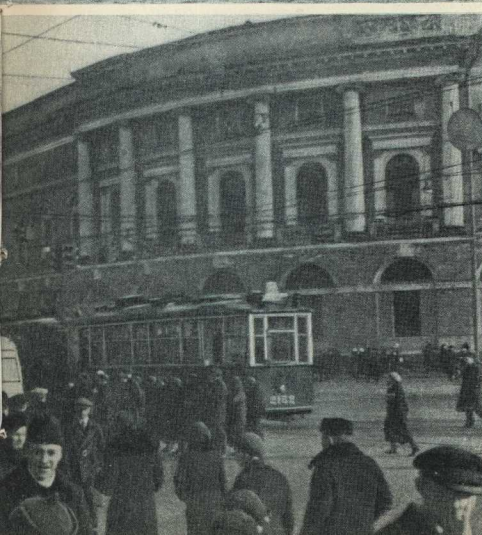
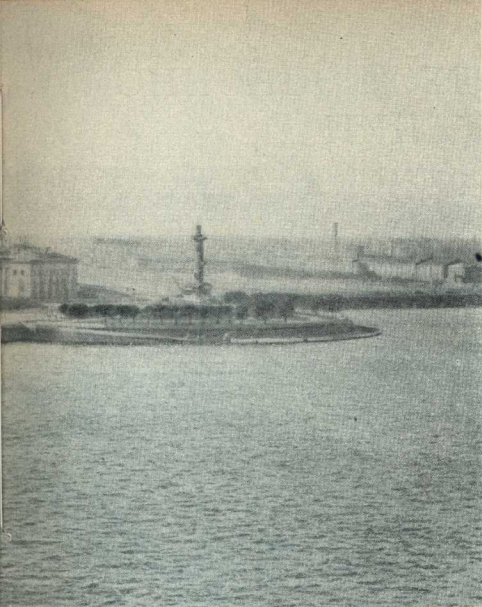
Ленинград — второй по величине город Советского Союза. Это город индустриальных гигантов, научных институтов с мировой славой, многочисленных учебных заведений и музеев. В Ленинграде живет три с половиной миллиона советских людей.

Ленинград, колыбель Великой Октябрьской социалистической революции, находится всего в 32 километрах от границы Финляндии, где хозяйничала враждебная Советскому Союзу маннергеймовская клика. 32 километра — это расстояние меньше, чем нужно для артиллерийского обстрела из современных орудий. Ленинград — приморский город, но морские подступы к нему также находились под угрозой.

Отклоняя мирные предложения Советского Союза, финское правительство хотело держать наш славный Ленинград под военной угрозой. Беззастенчиво с провокационной целью несколько раз нагло обстреливали нашу территорию.

Товарищ Молотов в своей речи 29 ноября 1939 года сделал последнее предупреждение провокаторам войны. Однако провокация продолжалась.

Могучая Красная Армия выступила на защиту города Ленина. Зачинщики войны были отброшены. Красная Армия по приглашению народного правительства Финляндской демократической республики помогает финскому народу в его борьбе против реакционной кровавой маннергеймовской шайки.

Ленинград живет своей обычной мирной трудовой жизнью. Улицы полны народа, нормально работают заводы и предприятия, в порту стоят на причалах корабли.

Славный город Ленина в безопасности!

На снимках. Слева: памятник С. М. Кирову на улице Стачек. В центре, сверху: вид на Неву, Басильевский остров, Петроградскую сторону с крыши Зимнего дворца. Внизу: Проспект 25 октября, угол улицы 3 июля. Справа (сверху вниз): Международный проспект, Ленинградский порт. Один из старейших в стране, бывший Путиловский, ныне Кировский завод.

ЗАЧЕМ НАМ ДАТЬ РЕВОЛЮЦИОННУЮ АГИТАЦИЮ

(К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ А. И. ГЕРЦЕНА)

В зломная свои юные годы, Александр Иванович Герцен писал в «Полярной звезде» в 1862 году:

«Тридцать лет тому назад Россия будущею не существовала исключительно между маленькими мальчиками, что вылезли шпши из детства, до того ничтожными и незаметными, что им было достаточно места между ступней самодержавных ботфорт и землей, а в них было наследство. И наследие общечеловеческой науки и чисто народной Русы. Новая жизнь эта прозвала, как трава, вытаскивая расти на губах непростынного кратора.

В самой пасти чудовища выдвигаются дети, не похожие на других детей...»

Герцен ясно сознавал свое место в истории русской революционной мысли. В столетней юбилей со дня рождения Герцена, 8 мая 1912 года, Ленин подтвердил это: «Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию».

Беспкой революционером ясно сознавал и свое историческое призвание. Он несколько не обманулся мыслями, будто действительно знает пути дальнейшего развития России, будто имеет уже готовую программу. Много раз подчеркивал он, что будущее еще устроится по нашим мыслям, и ясно сознавал, что его задача состоит лишь в первом поиске правильного пути и в неслепотной революционной агитации против удающегося самодержавия и крепостного права.

В обеих направлениях — в поисках правильного революционного пути — развертывания агитации — Герценом сделано колоссальное много. И это опыты-таки признал Ленин. Он писал:

«В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, переловая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного гаризма, жалко искала правильной революционной теории... Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала а полувековой истории неслакихх мук и жертв, неслыханного революционного гаризма, неистовой энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, составления опыта Европой».

Слова эти в очень большой мере относятся к Герцену. Он был одним из первых, кто после декабристов подверг себя испытанием тюрьмы и ссылки. Он был одним из первых русских революционеров, кто ушел в эмиграцию и заграничной беззависимой искал правильной теории, разочаровываясь, «составляя с опытом Европы». На удачах Парижа он был непосредственным свидетелем революции 1848 года. Как личное горе переживал он каждую неудачу восставшего народа: «Да, я плакала на польских баррикадах, еще теплых от крови». После поражения революции он кричал: «Проклятие тебе, год крови и безумия, год торжествующей пошлости, зверства, тушования. Проклятие тебе!» Это он писал: «Дать волю речи, словам, мысли, жель...»

Герцен был великий живописец своей эпохи, пережитых им событий в России и Европе. С высоким лиризмом, голосом, переплетающимся от волнения, повел он нам свои «Мысли и думы», рассказал о наглядной свирепости русского гаризма и кнутобойном извержении отечественных помещиков, о предельности западной буржуазии, которая повсюду эксплуатировала простартия в систему, которая «экономически труслива и может подняться до героизма, только защищая собственность»... барина.

Медаль, выпущенная в память 10-летия Великой русской типографии, основанной Герценом в Лондоне.

Вместе с тем Герцен был и великий мыслитель, понивший диалектику Гегеля как калгебру революции, вплотную приближившийся к диалектическому материализму.

Вторым и важнейшим подвигом жизни Герцена было создание «русского печатного станка» в Лондоне, откуда на юк Россию аичало бесчисленное слово «Колокола», «Пролетарский рабочий», «Путь» — писал Ленин, — была тогда общедемократическая бесцензурная печать с «Колоколами» Герцена во главе ее».

Перед лицом этих выдающихся заслуг отступать на задний план ошибки Герцена, его идеализм в вопросах общественной жизни и истории, его проповедь «русского социализма», в котором, по словам Ленина, не было «ни грама социализма». Говоря о колобелках Герцена между демократизмом и либерализмом, Ленин отмечал, что демократ все же брал в нем верх».

Поистине Герцен был пушкинским «Пророком», который «глаголом грезил сердца». Сильные и злые удары нанесены им старому миру и привнесла новый. «Можно ли довольствоваться шептанием на ухо, когда сон так глубоок, что его едва-ли расшевелить табак», — говорил Герцен. В другом месте он писал: «Акт нашего возмущения и есть наше деяние».

Всегда реакционер Б. Н. Чернышев обратился к Герцену с письмом, в котором, свидетельствуя об огромном влиянии «Колокола», о том, что он «сидя и властв в России», обвинял «владельца» во вреде, нанесенном отечеству. Герцен ответил:

«Мы хотели быть протестом России, ее криком освобождения и криком боли, мы хотели быть общечеловеческим злодеем, сестивающих успех, грабичах народ, мы их тащили на любое место, мы их делали смешными, мы хотели быть не только мутью русского человека, но его провинци... Мы сипогенетальными «значительной» части людей, страдающих в России».

«Нам принадлежит честь, починя и час о успеха а вовсе не мноволь».

Слова эти звучат гордой правдой.

Как же формировался идейно Герцен, как проделал его юные годы? Как превратился мальчик, уменьшавшееся смежду ступней са-

модержавных ботфорт и земля», в могучих революционных бойцов! Советскую молодежь интересует, конечно, в первую очередь этот вопрос.

Тема становления человека, его идейного и нравственного формирования всегда живо интересовала и самого Герцена, и много раз возвращался к ней в «Мысли и думы», в своих письмах и дневниках, в «Записках одного молодого человека».

Александр Иванович Герцен был любимым сыном богатого помещика И. А. Кололева. Но он был «мезокрирожденный», а в те времена, да еще в барской-аристократической среде, это считалось «словом позорным». Любопытный, живой, крайне впечатлительный мальчик узнал и почувствовал это очень рано. Детство прошло «среди криков». Мальчик сдружился с крепостной прислугой. Воспелав Герцен рассказывал: «...Передняя с ранних лет развила во мне неподдельную ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу. Былово, когда я еще был ребенком, Вера Артамонова (внучка Герцена. — И. Л.), желая мне сильно обидеть за какую-нибудь жалость, говаривала мне: «Дайте срок, выместите, такой же барин будете, как другие. Меня это ужасно оскорбляло».

С самых ранних лет Герцен прилепился к чтению. Отчасти благодаря знанию помогали учитель Протопопов, приносивший запрещенные стихи Рылеева и Пушкина, и старик-француз Бушо, участник революции 1793 года, преподававший мальчику французский язык. Так Герцен развивался в традициях декабристов, в духе свободоблюбия и ненависти к крепостничеству. Он преклонился перед революционными Парижками.

Еще в отроческие годы Герцен сблизился со своим ровесником, Николаем Платоновичем Огаревым. Взаимная симпатия родственникам настроению мальчиков скоро перешла в дружбу, верную и нерушимую на протяжении всей жизни. Одному из них было 14 лет, а другому 13, когда они во время прогулки на Воробьевых горах торжественно поклялись отдать свою жизнь борьбе за свободу.

Любимым дуэлом был Шиллер с его героическим «Отечеством» и мальчишеским пафосом. «Мой идеал», вспоминал впоследствии Герцен, — был Карл Мар, но в школе изменил ему и перешел в маркиза Поу. На это он ответил: «Мне было 14 лет, а я уже говорил с Николаем, как он потом отправил меня в рудники, казнил. Странная вещь, что почти все наши грезы оканчивались Сибирью или казней, а почти никогда — торжеством. Неужели это — русский склад фантазии или отражение Петербурга с ютью исследованиями и каторжной работой на явном рокошн?»

Вследствие казненных деяний Огарев оказывал сильное революционизирующее влияние на свободоблюбивую дворянскую молодежь и особенно на Герцена. 14-летним мальчиком он присутствовал на мобеистах в Кремле по случаю расправы с декабристами и клялся отметить за казнитных. Это была первая отроческая клятва Герцена. «Мы и наши товарищи», обещания на Воробьевых горах, и он до конца своих дней остался верен обещанному клятвам.

В октябре 1829 года, 17-летним юношей, Герцен поступил на физико-математическое отделение Московского университета. В ту пору ярчайшей реакцией университет был важнейший кафедра истории. «Мы и наши товарищи», — вспоминает Герцен, — говорили в аудитории открыто все, что приходило в голову; терпели за а рецензиях своих стихов, восторж и ругали, а в предисловии книги читались с комментариями... Мы были уверены, что из

этой аудитории выйдет та фаланга, которая пойдет вслед за Пестелем и Рылевым, и что мы будем в ней».

Для политического события вызволившая студенческое молодежь: польская революция 1830 года во Франции и варшавское восстание в том же году. Особенные надежды возлагались на восстание польков: это ведь не в далекой Франции, а тут же, «дома».

Но надежды оказались преждевременными. «Домаш» был Николай, был царство «слаг, провила, молчаливого заморина, гибели без вести, мучений с платком во руу, Непосредственно «домаш» студенчества был университет. Здесь подвизался грубый и реакционный профессор Малюк, которого молодежь ненавидела. На вопрос попоченки, сколько на политическом отделении профессоров, один из студентов ответил: «Без Малюва девять». В результате студенческих демонстраций против профессора Малюка в марте 1831 года Герцен был посажен в карцер.

Вокруг Герцена и Огарева группировались наиболее передовая студенческая молодежь. Кружок увлекался учением французского утопического социалиста Сен-Симона, интересовался вопросами политики: всех объединяла ненависть к пронозу и насилью.

Вскоре после окончания университета начались аресты среди бывших студентов. В июле 1834 года был арестован и Герцен. Он сидел сперва в польнейской козагаране, затем в Крутицких казармах и весной 1835 года был отправлен в ссылку в Пермь, где ему предписывалось служить в канцелярии губернатора. Из Перми его вскоре перевели в Вятку, а оттуда в виде особой милости — во Владимир, поближе к Москве. Из Владимира Герцен дважды недолго наезжал в Москву для свидания с любимой девушкой, с которой тайком обвенчался в мае 1838 года.

Первая ссылка закончилась в марте 1840 года и длилась, таким образом, пять лет. Но в июле 1841 года Герцен был вновь послан, на сей раз в Новгород, и прослужил здесь в канцелярии губернатора еще год.

Незадолго до возвращения в Москву из второй ссылки, в марте 1842 года, Герцен записал в своем дневнике: «Тридцать лет! Половина жизни. Девянацать лет ребчества, четыре юношества, шесть юности и восемь лет гонений, преследований, ссылка». В том же дневнике несколько позже он записал: «Чувствую, что теперь совершеннолетие».

Созревший и глубоко сформировавшийся Герцен именно в годы «гонений, преследований, ссылки». За эти годы он увидел жизнь не так,

как она выглядела из окна детской комнаты или чудилась ему в романтических грезах детства. Это была страна школы познания России николаевских времен.

Все слои общества наблюдал Герцен и во всем дал меткую характеристику.

Он жил среди царского чиновничества и записывал его словами: «Классе искусствительный, воображаемый, гражданское художество» — «свищеннодействующее в судах и полиция и сосущее кровь народа тысячами тысяч, жадных и нечестных...»

О помещике Герцен сказал: «Он владеет горькой борзой человеком, железом змеем, он берет оубун не с десятины, а с мыши, с дыхания, он заставляет платить за право работы, движения, существования». «Торг людьми идет не хуже, как в Кубе или в Малой Азии». Кредитное состояние Герцен назвал «язной, пятном, тем безобразем русского быта, которое смиряет нас и заставляет, краснея и с поникнувшей головой, признавать, что мы хуже всех народов в Европе».

Крестьянских крестьян он назвал «крещеной собственностью», а расправу с крестьянами описал так: «...следствие пошло обычным русским чередом: мужиков селили при дворе, селили в наказание, селили для примера, селили из денег и целую толпу сослали в Сибирь».

О купцах Герцен писал: «Дикая тирания и затворнический разврат купечества»; о поше: «ауховный кварталный»; о мещанах: «сплошное и тяжелое пышество-мещан». О темером фоне николаевской эпохи: «Видны солдаты впол напьяны, крестыные под розгами, поваленный стон, выразившиеся в лицах, кабинеты, несущиеся в Сибирь, колоннады, плетущиеся туда же, брятые бля, клемяные лица, каски, эполеты, султаны — словом, петербургская Россия».

С любовью Герцен говорил только о трудящихся, о самом народе: «М бессилен газак; вообще на десять мужиков, наверное, восемь не глухи и пятеро положительно уны, сметливы и знающие люди».

Многого можно учиться по книгам Герцена. Вспомню сперва талант, увлечение, дыхание большой общественной страсти. Поражает мощью и пронизательный ум, дальновидность, наблюдательность, пленяет высокая образность языка, художественный вкус, чуткость и такта и более всего человеческая полнота.

О первом из «Пасем об изучении природы» («Эмпирия и идеализм») Герцена Ленин писал, что оно «показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бедыны современных естественныспытателей-эмпириков и тымы тем нынешних философов, идеалистов и полудеалистов». Это «Письюмо» полезно читать параллельно с изучением философских работ Ленина «Анти-Дюринга» и «Диалектика природы» Энгельса. Художественность и популярность изложения очень помогают усвоить стечеченный опыт.

Величайшим литературным памятником прошлого века является «Былое и думы». Таких живых картин николаевской эпохи, таких описаний жизни Западной Европы, сделанных русскими наблюдателями, не найдешь нигде больше.

Где найдешь еще такую картину провинциального русского города в николаевской эпохе, как в «Записках одного молодого человека» и в романе «Кто виноват?»

Где еще покажаны помещичий произвол, страдания крепостной интеллигенции с точки страсть, как в романе «Кто виноват?» и «Сорока-воровка» и опять-таки в «Былом и думы?»

Где еще с такой силой

А. И. Герцен в молодости (с портрета А. Ватерера, 1836 год).

объясню существование нравов крепостной России, как в повести «Доктор Крутов»?

Сколько гнева и иронии в статьях «Околокода», в писмах «с того берега», в «Писмах из Франции и Италии! Но вершиню обличения ситой западной буржуазии, приговором над предательством реакционного либерализма является повесть «Доктор, умирающие и мертвые». Эта повесть, опубликованная уже после смерти Герцена, исполнена глубокого философского смысла.

Скозь все описанные Герценом события проходит тема человека, дружбы, любви. Человек этот — сам автор, его друг — Огарев, его любовь — Наталья Александровна Захарына. Все важные жизни Герцена, истории его отношения с Огаревым и любви к жене исполнены высокого благородства, обнаруживают в нем натуру глубокою, страстною, тонко чувствующую.

В «Записках одного молодого человека» Герцен писал: «Кто жил умом и сердцем, кто провела знойную юность, кто человеческий страдал в каждом страдании и сочувствовал каждому восторгу, кто может указать и на нее и сказать: «вот моя подруга», на него и сказать «вот мой друг», — тот совершил кое-что».

Огарев стоял в начале сознательной жизни Герцена, он стоял и в ее конце. Тупкова-Огарева в своих «Воспоминаниях об А. И. Герцене» пишет: «Незалею перел смертию, он в бреду, призывая кучеру оставаться у квартиры самого близкого своего друга, Огарева».

Герцен был одним из великих предшественников нашей революции. Он это предчувствовал и сочувствовал. Замечател его статья «Крещеная собственность» имеет аналогичное пророчество Плугачева: «Я не ворю, а ворююмо; настоящий ворюе еще летает в подлесьях».

Великая революция совершилась в октябре 1917 года. Она выполнила одно из пророчеств самого Герцена: «Россия никогда не делает революции с целью отделяться от царя и заменить его царем-представителем, царя-судьям, царям-полицейским». Наша революция, открывшая новую эру истории человечества, осуществила далекий и смутный идеал Герцена — социализм.

Дружбу Герцену
 Пробил заворающий дурманом
 Духи мятельнички приуныли,
 Во тобой склепал я сердце свое!
 Мое — и радость и страдания,
 Друго. Ты был моим злым другом,
 Но все было, бурливо, стремительно?
 О нет! Небесах востановил
 И на земле — разудривил?

«Дружбу Герцену» — автограф стихотворения Н. Осарева.

Только в сказках так бывало.
Но случилось наву:
Иза гор, изза Урала,
От чукотских перевалов
Прилетела ты в Москву.
Вся в снежинках-носмылушках,
Мимо стен и сторожей,
Ты вошла в мою избушку
В пить высоких этажей.

Это шутка
Иль асерез?
Ты совсем как дед-мороз.

Раскраснелась от волнения,
Ты сияешь малакай.
— Ну, скдай свои олени
Заноларные меха!
Так вот:
К лампе, на колени,
Грейся, цурься, отдыхай.
Где тебя бросала буря
По сугробам и лесам?
Впрочем, я ведь всюду сам
Тайно был твоим кланом.
Видишь, звездочки у карты
В самом северном углу?
Это здесь на быстрых партах
Ты ходила в глушь и мгалу...

Будто голос
Стал другим —
Стал он вавое дорогим!

...Тунара. Бухта.
Лед и снег
Ночью в дверь твою стучат:
В юрте болен человек,
Человек зовет врача.
Снова сумка на плече.
И опять собачьим цугом
В юрту дальнюю к чукче
Ты спешнй сквозь темь и выюгу.

Так в снегах,
В краю суровом,
Будто званная к ролюе,
Шла ты в юрту к звероловам
Обходила рыболовов —
Всех, кто дорог стал стране,
Кто теперь узнал и помнит,
Что и он в семье большой,
Что в Москве, в кремлевском доме,
У него отец родной.
Он, о каждом беспокоясь,
Видит всех, найдет везде.
Ты была его рукою
В том краю,
Для тех людей...

От Чукотки до Арбата
Путь недалзок и непрям...
Спят...
Так мирно спят ребята
На руках счастливых мам.
На пол сброшена оленья
Шуба; снег обтаял с ног...

На столе стихотворенья
Недописанных листов.

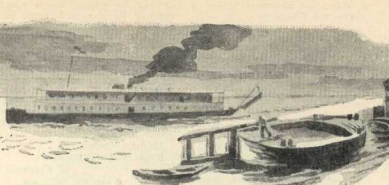
Чукчи выезжают на охоту.

Фото Солодова.

Колхозница из чукотского селения напевает на фонограф песню о Сталине.

Фото Д. Дебазова.

ТОВАРИЩ КАПИТАН

РАССКАЗ

Капитану теплохода «Тимирязев» Астрахань.

Уважаемый товарищ! Очень прошу извинить за беспорядочность, которое причинит Вам это письмо. Выужден обратиться к Вам с несколько неожиданным делом. Только что покинув Ваш теплоход, обнаружила утеря своей записной книжки. На «Тимирязев» я провела всего одну ночь, с 15 на 16 августа, и тем не менее уверена, что книжка утеряна именно на теплоходе. Сделайте одолжение, распорядитесь, чтобы уборщики самым внимательным образом осмотрели каюты 1-го класса № 3, которую я занимала, а если это не даст результатов, не откажите в любезности лично опростить команду и пассажиров. Книжка, о которой идет речь, черная, кожаная, большого формата, почти целиком заполнена самыми разнообразными записками. Не для кого, кроме меня, она, конечно, никакой цены не имеет; для меня же в этой книжке — два года напряженной работы. Только поэтому решаюсь утрудить Вас столь обременительной и, вероятно, бесполезной просьбой. Если книжка найдется, будьте добрым человеком, разрешите мне ее немедленно.

Заранее благодарный
С. Куликов.

Р. С. Адрес, по которому буду ждать ответа: город Плес, Ивановской обл., почта, до встречи С. И. Куликова, 16 августа 193... года.

Город Плес, Ивановской обл., почта, до встречи С. И. Куликова.

Привет, тов. Куликов!

Слепу обрадовать: книжка Ваша нашлась. Мне ее передала через почтисца после отправления из Плеса. Выслала почтой посылкой одновременно с этим письмом. Кстати, письмо Ваше (а просьба) не так уж необычна. Только за этой последней рейсом не считая Вашей записной книжки, на теплоходе обнаружены: один чемодан, две банки варенья и три книги. Книгам мы здесь всегда рады, а одна из них со скучным названием «Плавка» доставила мне даже большое удовольствие. Она, между прочим,

принадлежит перу Вашего одноклассника.

В общем, как видите, людей рассеянных немало. Во всяком случае, вы не единственный.

К Вам у меня есть в свою очередь одно необычное дело. В Вашей записной книжке (ее до получения Вашего письма пришлось перелистать в поисках фамилии и адреса владельца) есть параграф о задаче трехходовки. Шахматы — мое последнее увлечение, а задача-трехходовки — и особенности. Но решить эту мне не удалось. Боюсь, что у Вас успеха в условии. Мат выходит лишь в том случае, если белая пешка стоит на с3, а не d3, как у Вас написано. Проверьте, пожалуйста, и, если не трудно, сообщите в город Горький, в адрес «Тимирязев». Залогом прошу подтвердить полученные письма.

Капитану теплохода «Тимирязев» Астрахань, 22 августа 193... года.

Капитану теплохода «Тимирязев» тов. А. Коваленко. Город Горький.

Уважаемый товарищ Коваленко!

Огромное спасибо за послышку. Доставлена в целости и сохранности в один день с письмом. Рад, как мальчишка! Без этих записей хотя и проволочка! Кроме того приятно, что не я один растаю. Варенье советую съесть, пока не прокисло.

Наступ трехходовки. Вы, конечно, правы: у меня написано неверно. Белая пешка стоит на с3 и первым же ходом переводится на с4. Это решает дело. Если Вы интересуетесь трехходовками, могу выслать несколько очень оригинальных и малоизвестных. Одну прилагаю и буду рад, если понравится.

С. Куликов.

Р. С. Между прочим, автор книги со скучным названием «Плавка» — не мой одноклассник, как Вы полагают, а я сам. Книжка неожиданно доставила Вам удовольствие. Может быть, напишите, — чем? Очень хочется услышать мнение живого читателя.

Если соберется написать, — адрес до 10 сентября тот же. В Плесе провожу всей своей отпуском.

Плес, 28 августа 193... года.

Гор. Плес, Ивановской обл., почта, до встречи тов. С. И. Куликова.

Добрый день, товарищ Куликов!

Мне и в голову не приходило, что автором «Плавки» окажется Вы. Забавная история!

Ну что же, если уж так так вышло (и если Вам так хочется), устройте читательскую конференцию. Только готовьтесь к критике.

«Плавка» меня возмущала тем, что Вы попытались правдиво раскрыть внутреннюю суть советских людей. Все время видите вокруг, как растут люди, как все выше и выше поднимаются они со ступенек на ступенках лестки. Все время видите, что делается в душе, в сердце человека, который ступает семимильными шагами? Это очень интересно и важно рассказывать.

Вы молодец, что завязли за эту проблему в романе, т. е. в наиболее сложной литературной форме. И получилось у Вас довольно интересно. Но не со всем можно согласиться. Почему, например, Ваш герой Петр становится скрипачом? Вы нигде и намеком не говорите, что музыка его увлекла с детства. Он у нас сплывающему учится в школе, кончат семилетка, идет в фабзавуч. Ладно, все это закономерно и обычно у нас. И вдруг уже на заводе, уже став слесарем-лекальщиком, он почему-то открывает в себе свое настоящее призвание — скрипка.

Психологически Вы это пытаетесь обосновать тем концертом, на который Петр попадает с Надей — концертом лауреатов. Петр слышит чудесную музыку и узнает почти случайно биографию знаменитого скрипача, сжогую по началу с биографией самого Петра. И это решает дело.

Ну, ну! Вряд ли так открываются таланты... Ведь чтобы стать скрипачом, вовсе недостаточно почувствовать силу и прелесть музыки. И почему? Вам потребовалось тащить Петра в скрипачи? Не проше ли, не правильнее ли, не убедительнее ли было до-

вести его, скажем, до инженеру? Хотите большего, — до научного работника, до доктора технических наук?

Вот мое основное возражение против «Плавки». А вообще — очень интересно. Люди живые: я сам Петр, и Надя, и отец Петра — дворник Кузьма, — и многие другие. Нет, просто здорово! Этим мне и понравилось.

Не обижайтесь на критику: пишу честно.

А. Коваленко
Р. С. За трехходовку спасибо. Шлите еще. Теперь в Астрахань: от писем до писем у меня укладывается река.

А. Коваленко
г. Горький, 5 сентября 193... года.

Теплоход «Тимирязев».

Капитану А. Коваленко.

Мой дорогой капитан! Простите за столь волное обращение, но ведь, оказывается, не знаю даже Вашего имени. Впрочем, я не знаю о Вас ничего, и потому до того, как Вы взгляните и сколько Вам лет. Может статься, вы старый морской (речной) волк, я и гоусусь Вам познакомиться в защиту скрипачей и, чуть меня не обманет. Вы, конечно, молодой человек, может быть, даже ровесник мне. Я не знаю, как Вы стали капитаном и хорошо ли справляетесь со своим делом, но, несомненно, второе Ваше призвание — скрипка. Заверию Вас, мы могли бы стать беспощадными литературным критиком.

Товарищ капитан, разрешите высказаться в защиту скрипачей и, в частности, в защиту моего скрипача, Петра.

Видите ли, я Вам чуть-чуть-чуть привнесла: «Плавка» — книга в большой степени автобиографическая. Петр — я сам. Правда мой отец был дворник, а скрипачом, но это все равно. Я, как и Петр, учился в семилетке, учился не плохо, но и не отлично. Потом решил идти в фабзавуч. Оттуда попал на завод «Серв и молот» — Вы, конечно, знаете об этом московском гиганте.

Как Петр, я вначале влюбился в свой завод. Видели ли Вы когда-нибудь плавку? Нет, в море зрелища богаче и прекраснее. Но главное началось с джекладонского «Мартина Идена».

Должно быть, Вам довелось читать эту повесть о молодом американице, решившем стать писателем? «Мартин Идено» мне попался случайно на глаза. И впервые, возвращаясь домой, прочел несколько страниц Уэллеса. Что-то в биографии Мартина возлюбили меня.

Какжется, я думал тогда, что если в тех условиях человек может стать писателем, то я-то, в наших условиях, когда для него не существует запретов, когда каждому сказано — дерзай! — наверхника смогут добиться своего.

Я писал рассказы. Сначала их беспрестанно брали. Литературные консультации присылали мне ядовитые письма. Я читал их с бешеным интересом. Это неважно, впрочем.

В общем настал жежд, когда один из моих рассказов похвалялся. Его напечатали в толстом журнале.

Ну вот. Два года я печатал рассказы и писал роман, эту самую «Главу». И, конечно, варила стала. Это шло параллельно и вовсе не мешало друг другу. И вот «Планик» вышла. Вы ее прочли. И разругали скрипяча Петра.

Чорт возьми, я, оказывается, работала к себе и ничего не скавал в защиту скрипячей. Но дело в том, что это — почти одно и то же.

Ведь, с Вашей точки зрения, мне, ставшему, было проше, правильнее, законсервировать статью инженером. А я становлюсь писателем. И думаю (попытке, что это не самонадеянность), что стану им. Почему надо идти только по одной, раз замеченой колеке? Крепко жму Вашу руку.

С. Куликов.

Мой адрес: Москва, Дангауэрка, Дом стихановцев «Серга и молота» Мне.

12 сентября 193... года.

Москва, Дангауэрка, Дом стихановцев «Серга и молота».

С. И. Куликову.

Как задело Вас, однако, мое письмо, товарищ Куликов! Сколько страсти Вы вкладываете в ответ, какие сильно действующие аргументы приводите. И главное, изд. пружек по воробьям.

Ну кто же спорит, что так, как у Петра, бывает? Даже без Ваших откровенных признаний никому в голову не пришло сомневаться. Но это бывает. И для того чтобы так было, нужен талант. Согласитесь же, товарищ автор, что талант — не каждодневное явление!

Мне казалось, что Ваша книга трактует не об отдельном случае, а о всеобщем явлении. И так как сама Вы человек явно талантливый, то книга Ваша вышла убедительной. Потому-то мне и хотелось, чтобы она раскрывала явление, а не отдельный случай.

Вот и все. И против этого Вы не возражали, ибо возражать здесь нечего.

А вообще я, конечно, за разнообразность. Еще бы! Я ведь тоже люблю книги о жизни, о людях, о чувствах, а не только о речном флоте, хоть я и капитан. Приветствую Вас.

Р. С. Письмо шлите опять в Астрахань: мы тут ремонтируем

ся. Попали в маленькую аварию и немало поубодренались, а в общем все в порядке.

Да, надо же, наконец, ответить на Ваши вопросы: мне 26 лет, зовут меня Сапег, А Вы, между прочим, не присылали мне остальных обещанных задачек-трехходовок. Очень жала. А. К.

23 сентября 193... года.

Теплоход «Тимирязев». Астрахань.

Капитану А. Коваленко. Дружите Сапег!

Мне хочется написать «друзинце», хоть Ваша последнее письмо и похоже на ушат холодной воды. И в самом деле, я слышал: трехходовок не посылаю, а взамен перекаю ходовые истины. К сожалению, Вы очень мелко пишете о себе, а мне хочется знать о Вас побольше. Почему-то мне кажется, что Ваша биография похожа на мою.

Расскажите о себе, Сапег, Вы, правда, не просили моей откровенности, но уж знаю обо мне все, можете ответить той же монетой. Я буду жалать.

Моя семья — это мой старик отец (он теперь на покой) да маленькая сестренка-школьница.

Ей 14 лет. Кто есть у Вас? Откуда Вы родом? Какие книги любите? Выли ли в Москве? Если бы Вы приехали сюда, мы бы пошли по музеям, по театрам... Впрочем, когда кончатся навигация — кто Вам мешать закатиться в Москву? Честное слово! Я был бы рад. Ведь очень интересно встретиться.

Пока посылаю очередную трехходовку. Все, чем богат. Впрочем, хотите новых книг? Постараюсь послать.

Пинните, Сапег.

В надежде на дружбу

С. Куликов.

8 октября 193... года.

Москва, Дангауэрка, Дом стихановцев «Серга и молота». С. И. Куликову.

Добрый вечер, Сергей!

Впрочем, неизвестно, в какое время стужа похитит Вы это письмо... Может быть, это будет утро, может быть, полдень. Но сейчас поздний вечер. В котомке у меня уже тишина, пассажиры разбрелись по своим каютам. А мне что-то не спится. Перечитываю Ваши письма.

Занятый Вы парней, Сергей! Ну, что Вам за дело до неиз-

вестного капитана Коваленко с теплохода «Тимирязев»? Мы ведь, скажем так, даже не видели меня; дураки, что и старший морской котик.

Нет, Сергей, до морского котика мне далеко. Только в этом сезоне мне доверили теплоход.

Семья у меня скромная: отец был грузинком на волжской пристани. Он умер уже давно.

У меня есть сестра, она работ. Мать была стрункой в Артели грузинков. Умерла она в 1920 году. Мне было восемь лет. Весте со старшим братом меня отправили в детский дом. Там мы и выросли. Брат — теперь аспирант в Московском университете, истори-

к.

Воду люблю как жизнь. А жизнь очень люблю. Теплоход мой вроде вашей нести: стахановский. За это похвалили. Зато теперь числится вторым на всем пароходстве. Могу бы быть первым, да не достигнул малелько.

Теперь о встрече. Она может состояться только скоро. 1 ноября кончается навигация. 5-го, по традиции, еду к брату в Москву и все октябрьские праздники буду бездельничать. Вот и сможем встретиться. Может быть, склудим вместе в театр? Слово, тогда и познакомимся и поболтаем. Придет, дружище. Зантра опит ухаживать в город Горький.

А. Коваленко.

Астрахань, 17 октября 193... года.

Город Горький, теплоход «Тимирязев»

Капитану А. Коваленко.

Замечательно, Сапег. И так, на праздник состоится встреча. Уверен, что попутится у нас хорошая мужская дружба. Убедлен.

Сейчас ничего подробно писать не буду, но вот да предложение: во-первых, не хотите ли остановиться у меня? У меня отдельная комната, есть удобства, сестренка моя будет в восторге от перспективы увидеть живого капитана. Соберем приятель, выйдем за нашу дружбу. Нет, обязательно приежайте прямо ко мне. Это — первое предложение.

Второе — есть билеты в оперу. На 7 ноября, на «Подвигу Келну». Идем вдвоем, без всяких баб. Ладно? Только без подвоха.

Если Вы ко мне не заедете и до свиданья мы не встретимся (телефона у меня нет), встреча назначается прямо у главного кондуктора Большого театра. Будут стоять как на часах с 19 часов 15 минут.

Договорились?

Жму руку.

С. Куликов.

28 октября 193... года.

Москва, Дангауэрка, Дом стихановцев «Серга и молота», Куликову.

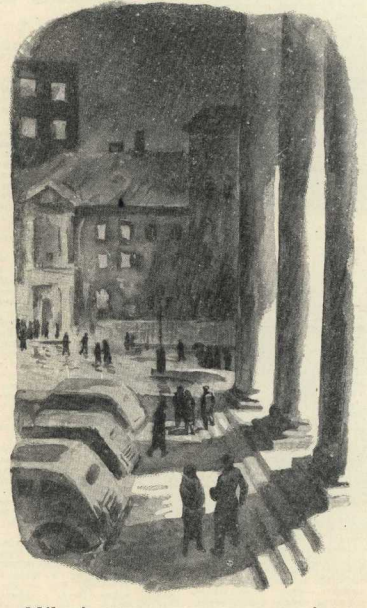
Заехать не смогу буду сядьмою согласно докторовности акода Большого театра Коваленко.

Москва, Увечевка, 112, квартира 59, А. Н. Коваленко, Лично.

7 ноября, почт.

Сапегина!

Я все еще не могу прийти в себя. Как вышло такое невероятное недоразумение?

... В 7.35, когда терпение окончательно покинуло меня, подошли вы...

В ЗАГСЕ

Как я не понял, не угадал по Вашим письмам, по стилю, по почерку...

— Конечно, дайте сообразить...

Нет, Вы только представьте себе: влет етаким олд Сергей Куиков к театру. Приходит ровно в 7.15. Еле бы, чуть вояким, надо же доказать, что не только капитаны, но и писатели могут быть тощими.

В 7.25 я начал бестыся. Я не пропустил ни одного моряка. В 7.28 вышел из себя. В 7.29, когда я пошел, море нас с Ваши оставиле только в казах-то обманутых юношей, а готов был разрешиться от злости. Я ничего не понимал. Я чувствовал себя оскорбленным в лучших чувствах.

В 7.30 меня охватило безразличие. Ладно, решил я, одним разочарованием больше. Но я продолжал стоять. В 7.35, когда терпение окончательно покинуло меня, подошли Вы...

— Этого, это надо вспомнить. Да да, Вы приближались. Я даже не посмотрел на Вас. «Нет ли у Вас лишнего билетика?» — спросил Вас. «Нет!» — отрубил я (ведь я еще надеялся, Вы помните?). «Но ведь Ваша девушка Вас обманула, спектакль начался!» — сказали Вы. «И меня нет никакой девушки, меня обманула мужичина!» — горько ответил Вам я. Тут я не помню, Вы, кажется, что-то рассмеялись. Но я все-таки настаивал, чтобы в вести-таки отдала Вам второй билет. Я смотрел на Вашу шею, на плечико, срывающую Ваши волосы. Мне вдруг показалось (простите, мой капитан), что, может быть, прав был греческий философ, сказавший, что все в лучшем и том лучшем из миров... И вдруг Вы сказали: «Сергей Куиков, дружище, как не совестились, скажите, как вы думаете, без всяких баб, без подвоха»?

Вообразило, какой у меня был вид! — О чем мы говорили в вести-болье, пока шло переселение? Вы помните? Вероятно, я молчал неуспевающей чепуху.

Я и сейчас пишу ерунду. А между тем собрался поговорить с Вами серьезно. Для того и начал письмо, едва успев расстаться с Вами.

Мне надо сказать Вам одну странную вещь, и я не решаюсь. Я боюсь, что Вы рассмеетесь так, как смеялись у полвека тому.

Знаете, что? Давайте условимся: если захочется смеяться, — не отвечать ни письмом. Будем тогда считать это письмо несуществующим.

Видите ли, я жил последние месяцы с ощущением, что у меня появился настоящий, умный, хороший друг — капитан Ковалево. Я радовался этой дружбе, основанной на взаимном понимании, на общих вкусах, на серьезных интересах. И, конечно, я никогда не думал, не смеял думать... что встречу Вас...

Впрочем, если Вам нечего ответить на это письмо, не сердитесь на меня, не смеяться и, главное, не отворачиваться.

Будем просто продолжать жить прежним образом, пока... пока Вы не захотите ответить на это письмо.

Вашу руку, товарищ капитан!

Сергей.

МЫ С ВАМИ В ЗАГСЕ

Чистейший коридор приводит нас к двум комнатам, которые резко отличаются друг от друга несмотря на полное сходство обстановки. Погружено выгладит и люди, входящие и выходящие из этих комнат: в одной комнате регистрируются разрыв человеко-стных отношений, в другой — рождение новых связей.

Сложные сплетения связей, характеров, отношений, конечно, нельзя до конца разгадать по тому, как ведут себя люди здесь. Слова люди проходят с готовым решением. И все же девушка — сотрудница загса — испуганно смотрит в глаза тем двум, которые регистрируют сейчас свой брак. В комнате их соседству стои, за которым регистрируются разрыв. Девушка могла бы о многих замеченных и незамеченных делах. Девушка могла бы о многом рассказать, но она молчит. Поэтому за нее расскажем я сама...

«НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ»

— Почему развалились? Не сошлись характерами...

Такой ответ на вопрос о причинах развода можно услышать чаще всего. Что же скрывается под этой стандартной формулой, слишком общей, чтобы быть правдой? Истинные причины развода простодушно высказываются тут же, в коридоре.

— Понимаете, он ухаживал за мной два года. Мы все думали, что он порядочный человек. И представьте, после того как мы расписались, на вечер он показал себя. Написал как свинья, побил посуду... Я не хочу с ним жить!

Девушка, которая это говорит, упрямо задвигает носик. Она полная сознания собственного превосходства. Ей жалко себя. Ведь-какая, она так жестоко обману-та...

Непонятно однако: почему эта бедняжка считала хорошим тоном установить свой свадебный стол батареи винных бутылок? Почему она возмущается только тем, что они были использованы по прямому назначению, ее избраником?

Он это делал с изумительным усердием. Это верно! Но ведь они были знакомы два года. Они сблизиле винных бутылок? Почему-то, побольше друг друга.

Дружба, любовь должны, казалось бы, укрепить чувство, присущее советским людям, — чувствдо любви.

И вот юности сорвалась. Он отвратительно написал. Но где была в это время она? Почему она позволила ему гадко себя вести, довериться?

Хорошо, в этот вечер она ничего не могла сделать. Так почему же она не дала себе труда на следующем дне договориться с мужем, помочь ему понять и заглянуть свою вину. Почему она трусливо отнерулась при первом предложении трусоватости совместной жизни с близким человеком?

И вот теперь она сидит в приемной загса, пудрит свой выдер-тый носик и томно говорит:

— Он так провалил себя, что это просто ужасно, понимаете, ужасно...

ЖЕНА ИЗ ДЕРЕВИ

У стола разволос молодой паре-нь в надиную на брови кепке и промальной спешковке. Прямо из загса идет на работу. Горючится. На жену старается не глядеть. Чувствует себя явно человеком.

Его жена, которая через несколько минут стает бывшей его женой, как-то жестоко держит голову повязанную шерстью дере-венским платком. На вопрос от-вечает подробно, голос изредка дрожит, но видно, что все бур-же еще помалод, она вышла из них окрепшею.

— Почему разводитесь?

— А зачем он нам... такой...

«Нам» — это ей и трюм ее детей. Муж вылезал из деревни. Она продала дом и хозяйство и приехала. Три месяца пожили как будто ничего, только он все по-привал: «Где-то так, да деревен-ская ты, да что ты понимаешь».

А потом с другой спутался. Называет ей свидания по пивному, домой приходит — на ногах не держится.

— Просту развести, — кончат она резко и решительно.

Горькая складка легла в углах губ, но молодая женщина полна зноения и надежды.

Конечно, она справится. Она пойдет работать. Неужели наче-нет учиться. Она будет быстрая и жадно выпитывать знания. Сколько их средств нас — этих девушек, вчера приехавших из деревни, а сегодня знатных ткачих, фрезеро-виц, водителей поездов. Она выйдет себе из этой моли... Ему нескоро удастся завоевать ее доверие. Перезитое незалежно будет бытаться. Он будет походить ей кепки и ходить в театр. Он научит ее писать конспекты и будет радоваться, когда она, крас-ная, в первый раз наденет изящ-ную шляпу из легкой моли...

Пойдет ли когда-нибудь этот, в изно надиную на глаза кепке, что счастье никогда не падает с себя, Оно держится на прощупу-вом уровне крепкой дружеской, верной, взаимной поддержке, убеде, творчестве. Вот этого счастья не узнал бывший муж, быстро распавшийся сейчас на карто-ке загса...

«БЕЗОТЦОВЩИНА»

Молодые, полюбские лица сла-бо румянятся. Белорукая прядь волос вымывается из левашиной шапочки, рука мет кружа-вую отлеку водолаз одельяна, в которую завернуто маленькое, мамин сплетенное одеяло.

Нет, она она не может выйти. Она не знает ни его фами-лию, ни где он работает. Знал его Миша. Он был в морской форме. Выд ли проходил в Моск-ве? Возможно. Может быть, он и Михаил совсем? Весьма воз-можно.

Лена не плачет только потому, что за эти месяцы все слезы ее уже выплаканы. Она старается быть спокойной. Рука ее перестает быть кружевно, она бережно закрывает маленькое сплетен-ное одеяло на вопрос «Имя ребенка?» отвечает уже решительно: «Ми-хила». Это — все, что осталось ей на память о человеке и трех вре-зках, проведенных с ним.

Если бы Миша, безмятежно спящий в розовом одеялке, мог понимать человеческие слова, ему надо было бы сказать: «Ты не будешь ни легкомысленным, как твой мать, ни подлым, как твой отец... мы воспитанте тебя иначе».

Но все это вперед, а пока первая тяжесть родительских за-казов падает на плечи матери.

— Это так называемая на языке загса «безотцовщина».

Ударские рассказы в мужской компании о легких «победах» — это отзвук «безотцовщины».

«Безотцовщина» появляется там, где нет серьезной пропаганды новой морали, нет борьбы за чистоту и цельного социалистического человека. «Безотцовщина» падает там, где слабо комсомольская работа среди молодежи.

МУЖ НА ЧАС

Недавно прокуратуре пришлось заняться из ряда выходящим случаем «молниеносного развода».

Некий молодой инженер, вернувшийся из загса, был любезен, услужлив и предурительно с своей женой. А поутру он с непроницаемым видом собрал свой пожитки и заявил, что навсегда покидает столь насло-ро сложный семейный очаг.

В этом воллблем превращении любящего супруга в холодного мужа прокуратуре, естественно, усматривалась обязанность надур-гательство над женщиной.

Прокуратуре не ошиблась. Надуртательство над достоин-ством человека было названо, хотя ежука на час вестника старался выгородить себя.

Вот что он писал в своих показаниях:

«Принцип необдуманного согласия расписаться послужило в должной мере наличие у нее жилой площадки и отсутствие таковой у меня. Литкомиссией подумал, что если нет сейчас к ней чувства, может быть, появится. Результатом такого необдуманного поступка получился такой нехороший результат. Я убедился, что я совершил ошибку, что меня к ней ничто не располагает, что она была одной из случайных знакомых и что чувства комнаты не заменишь, и поэтому я решил, не затягивая, развестись...»

«Необдуманным» называет этот негодный свой поступок, который является настоящей подлощью...

Основа буржуазного брака — правдивость. Его краеугольными камнями — ложь и лицемерие. Любая — совсем необязательный привесок к буржуазному браку. Брак для буржуа — это прежде всего сделка, торговая операция.

Такое отношение к браку советские люди считают позорным человеком, оскорбляющим его человеческое достоинство.

Вот почему гнев и презрение вызывают у нас молодички вроде этого сурьма на чаше, которые контрабандой просят к нам быт буржуазный брак по расчету.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Письма вдруг перестали приходить. Все его телеграммы оставались без ответа. Он выехал в Москву.

На вокзале его никто не встретил. Расставшаяся любовь, не успевая возникнуть, он почти бежал по перрону. В такси при малейшей остановке он наклонился вперед, словно собрался выскочить из машины.

Маленькая записка на дверях его квартиры пережигала напоминание, что к Степановым три звонка, но после третьего звонка на пороге стояла чужая женщина.

Женщина посторонилась, чтобы пропустить его и сказала: — Николай Иванович, сейчас я принесу вам ключ от вашей комнаты и письмо.

Подавая ему ключ, она добавила:

— Девочки здоровы, они живут в квартире доктора, этажом выше. Скоро месяц, как ваша жена там...

Он вспомнил, что эта женщина — их соседка по комнате. Вздв у нее ключ и пошел к себе.

Сумерки затягивали комнату. Скольким временам присел он, не раздеваясь, заперев глаза одной рукой? В другой белело письмо, смятое в комочек...

Он был в долгой трудной командировке на Севере. 7 месяцев он получал ласковые письма — нежное взыскание из красивых слов, с незаметно вилетными просящими денег. И вдруг связь оборвалась. Он вспоминал: «Он места себе не находил при мысли о том, что дома стряслась беда... Теперь он знает, в чем дело... В

погоне за скоморохом», за парадом она бросила его, разрушила его счастье.

Что-то мешало ему дышать и давило грудь, а руки между тем рвали на мелкие кусочки доскуток бумаги с ненужными, фальшивыми словами.

...Много дней прошло с того утра, когда Николай Иванович встретил на лестнице нарядную женщину в прекрасных мехах. Они подговорили, как чужие. С тех пор он встречал ее не раз.

Однажды она неожиданно остановила его и заговорила о детях. Девочки скучают о нем. Рассказывая о них, она заплакала. Сквозь слезы, быстро, точно боясь не успеть высказать всего, что накопилось в душе, она говорила, как надоели ей парадом, как ценит она его прекрасное отношение к ней, как скучает и она сама о нем...

Дети вернулись к отцу, и она вместе с ними.

ПО СЕКРЕТУ...

Девушка-регистраторша испытующе смотрит на двоих, что пришли сейчас зарегистрировать свой брак. На этот раз она может быть спожива.

Истинное счастье немозгословно. Они скупо рассказывают о себе. Оба студенты, оба заканчивают дипломные проекты и мечтают лететь к Западной Сибири. Почему именно в Западную Сибирь?

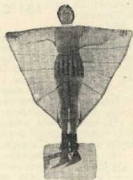
Они удавленно смотрят на человека, который не знает, что там открыты новые месторождения меди. Вель там строится новый завод, а они без пяти минут инженеры по оцинкованному металлу.

Истинное счастье скромно. Я узнаю только о том, что он помогает ей чертить схему богатильной установки, а она учит его английскому языку. Об остальном я догадываюсь, глядя на их ясные, смеющиеся лица. По секрету на прошлые девушки успела испугнуть мне, что сейчас ей хорошо, как никогда в жизни. Этот секрет я храню и никому, разумеется, не выдаю...

В нашей стране выросло новое поколение, о котором мечтал Энгельс свыше пятидесяти лет назад, — «поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется продавать женщину за деньги или другие средства социальной власти, и поколение женщин, которым никогда не придется отдаваться мужчине из-за каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, или отказываться отдачи любимому мужчине из боязни экономических последствий».

Надо зорко смотреть, чтобы пережитки капитализма, привычки и традиции старого общества не испортили жизнь этого нового поколения мужчин и женщин, строителей будущего в мире, нового, коммунистического общества.

ЛЫЖНЫЙ ПАРАШЮТ

Лыжный парашют был изобретен не спортсменом. Профессор Ганс Тиринг, преподаватель физики Венского университета, однажды увидел, как его маленький сын скользя по лыжной скату, держал в широко раскрытых руках погон своего непромокаемого плаща. Плащ действовал как парашют, спуск получился плавным и легким.

Парашют лыжника — плащ треугольной формы. В верхний его край, сделанный в виде рукавов, продвигаются руки, нижний, заостренный конец лыжками прикрепляется к лыжникам. Плащ изготовлен из очень легкого полотна, площадь его в развернутом виде около полутора квадратных метров. В начале спуска лыжник держит руки сложными на согнутых коленях. Как только скорость спуска окажется достаточной (30—40 километров в час), руки расставляются в стороны, плащ разворачивается и наддувается встречным ветром. Лыжник плавно скользит, почти не ощущая толчков от верховностей и ухабов, похожий на

парашюта в воздухе летучую мышь.

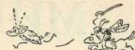
Плащ лыжника действует по тому же принципу, что и авиационный парашют. Сопротивление встречного потока воздуха тормозит спуск, делает его равномерным и безопасным.

Лыжный парашют действует как регулятор скорости и как руль направления. Чем шире раздвинуты руки, тем больше площадь плаща и тем меньше скорость спуска. Чтобы повернуть налево, надо опустить правую руку, для поворота направо опустится левая рука. Чем ниже опускается рука, тем круче поворот. Лыжник с парашютом преодолевает бугры и ямы, для него не является препятствием рыхлый или заледенелый снег.

В Западной Европе лыжный парашют применяется недавно. Он великолепно может быть использован и у нас — на крутых речных берегах, в холмистых местностях и на склонах гор. Лыжи с парашютом могут завоевать в нашей стране широкую популярность.

О ВРЕДНОЙ ЧЕРЕПАШКЕ, УДАЧЕ ПИСАТЕЛЯ И АМЕРИКАНЦЕ ПОЛЕ ДЕ КРОИ

В этой книжке действуют необыкновенные герои. С одним из них мы знакомимся на первых страницах. Это злой дух черепахи по имени «середняк» интересен. Достаточно было ему коснуться только трех зернышек на ста, чтобы чаксу булочки провалился, чтобы тесто терло взождать и никакие дрожжи не могли ему помочь.

Но он сконсудил тоже сыграть палево шпашку на Украине, обследовал зерно, оставил без урожая много колхозов.

По поводу, рассказывая книжке, кандидат сельскохозяйственных наук товарище Алексеев, ехавший в поезд Ленинград—Одесса, так боялся разбить маленькую стеклянную пробирку. В ней сидели «зуды-напастная жука», счетом сорок два. Научный работник называл их именем, похожим на заклятие, — теломуус!

И в первоначальной странице за странней, мы делаем следим за историей жестокой вражды между вредной черепашкой и теломуусом. Перед нами предостает удивительные и веселые события.

Мы узнаем о странностях послышек, отправленных со станции Великий Анзаль и вовсе не предусмотренных толстой книгой, переплещущей всевозможные грузы: о невестах, спавших во ялу; о шланге, которую синим надвину на лоб ученый специалист Талкиной, и о великом курном походе...

Но вот книжка дочитана. Веселые и удивительные события остались позади. И мы убеждаемся, что узнали о многих замечательных и серьезных делах людей, живущих в нашей стране.

Автор знакомит нас с одним из таких людей. Его герой беседует с «человеком на ВизР» (Всесоюзный институт защиты растений).

«Есть наша смета на изучение вредной черепахи и методов борьбы с ней», — говорит человек из ВизР, — это должно уйти много денег (56 тысяч рублей) и немало времени».

И человек из ВизР добавляет, что «года через два-три, пожалуй, можно будет ползать и об «эффективной» борьбе». В оправдание он говорит: «... мы не маги, не волшебники, мы только ученые!»

— А мне все равно, — говорит герой, — кто вы таковой. Мне важнее, чтобы ни один килограмм предстоящего урожая не был поражен вредной черепашкой: не был отнят от народа...

Геннадий Фиш дальше пишет: «Еще как от литераторов требуется, чтобы они дали в своих произведениях живого человека, то слову сообщить читателям, что творцы соболезнивали бы одним из самых живых людей нашей эпохи и звали его Трофимом Денисовичем Лысенко».

Вся реалистическая сказка Фиша посвящена явлению в работе академик Т. Д. Лысенко и руководимого им Одесского селекционно-генетического института. Черешка клеветничества — появилась на полях Украины в 1938 году. Нужно было «изучить проблему», не «изучить методом», а уинтисом. К концу этого отступились зоотомологи ВизР, прикрываясь авторитетами мировой науки, коллектив Одесского селекционно-генетического института во главе с Т. Д. Лысенко являлся сам за борьбу с врагом колхозных полей. В одном старом исследовании нашли краткое указание о том, что есть такое насекомое-наездник теломуус, которое откладывает яички в яички черепашки, и так как эти яички развиваются быстрее черепашских, то выведшиеся личинки теломууса питаются содержимым яичек черепашки и тем самым уничтожают ее возможное потомство. Это указание было брошено вскользь — ученый автор трогательно советское другое тело.

Но именно на этих данных трех фраз из старой книги Лысенко построил все дело. Яйца черепашки должны быть заражены теломуусом! Временя терять нельзя было. Выла яма, черепашку заставили откладывать яички и зимой, вопреки утверждениям всех авторитетов «эмровой» науки.

Пятьсот лет-лаборатории пришли на помощь Институту. Большие тысячи человек участвовали в разведении теломуусов.

Яйца черепашки были заражены. Но оставались еще взрослые клопы, которые раньше вывелись из яиц и чередовали полам. И вот по предложению Лысенко в леса и на поля для уничтожения черепахи выпустили курды «сборки» интисом, то есть, это около пяти вагонов, клопа с землей одного толстого сельсоветов. В течение немногих месяцев (считая от момента, когда возник вопрос об уничтожении клопа) черепашка была побеждена. В 1940 году на украинских полях, надо думать, она будет истреблена полностью.

Эта победа, не имеющая себе подобных в мировой истории борьбы с вредителями, стала возможной потому, что в советском передовикой науке оказались тысячи сотрудников и помощников в колхозах. Одесский институт справился с научной задачей «биологической» борьбы с вредителями только потому, что этот Институт во всей своей исследовательской работе был связан с массами колхозников.

Вот какую «сказку» рассказывал нам Геннадий Фиш!

Все рецензенты согласились, что «сказка» хороша, и поздравили писателя с удачей.

Но есть у маленькой этой книжечки еще такая сторона, на которую никто не обратил внимания. Почему-то принято писать о науке нахмурив брови и наморщив чело. Слово авторы и сами заранее признают, что наука — весьма достойная, но скучная наука. И они тщательно вымаривают из своих произведений все, что говорит о действительной ролях борьбы с природой, о приложениях, поучительных или забавных в этой борьбе, о живых и вовсе не обязательно угрюмых, но всемогущих убавках людей, которые творят науку.

Впрочем, иногда это происходит от безмерного (и похвального) почтения к науке со стороны пишущих, не слишком, скажем, в скобках, твердых в ней. Как можно допустить хоть одно живое слово, рассказываю о нем, в

Академик Т. Д. Лысенко.

Рисунок художника Мак-Риди.

которых заключена такая бездна премудрости! Ведь это же будет непонятливо, это будет несерьезно, явственно!

Такого рода популяризатором прежде мастеров и волшебников, священнодействующих где-то там, на головоуражительных высотах, и извещающих не иначе, как профессором бинома Ньютона или пирафигурой теоремы.

И, задерживая дыхание, авторы наши всю леск сдвигаются, чтобы их не сочли менее серьезными чем их герои. И оглушают читателя трескучей терминологией.

А Фиш поступил иначе. Он не боится говорить и с читателями и со своими героями. Вероятно, «вредная черепашка» смутит многих поклонников «чистоты жанра».

Да, есть немало людей в редакциях и издательствах, у которых все разложено по полкам. Эти товарищи раз и навсегда решают, что такое «сказка» либо «чужая» беллетристика либо научно-популярный очерк, и как говорили старинные логики: «tertium datur» — третьего дается трудно понять, откуда являлась такая теория (опровергаемая все ходом развития живой лите-

ратуры), но на основании ее «научно-популярный» очерк начисто вытесняется из литературного обихода и поступает в полное и безраздельное владение так называемых научно-популярных издательств — издательств и так бескрылый и бесомыслиый, сияет окончательно...

Но что же такое вот эта книжечка «честности»? Биографический очерк? Или — о, ужас! — стирбид популяризации с беллетристкой?

Можно предположить, что и сам Г. Фиш был немного смущен формой своей книжки и принимал для нее новый жанр — «реалистическая сказка» — отчасти для того, чтобы оправдаться перед рецензителями «чистоты жанра».

Но что сказать, которому нет дела до складывания словесных, начал читать эту книжку, уже не вытиснет ее из рук до конца. Она будет весело смеяться, разглядывая смешные и остроумные рисунки художника А. Мак-Риди на полях, он разберется во всех сложных перипетиях борьбы теломууса и черепашки и в конце концов, многое узнает о том, какая это увлекательная вещь — подлинная, могучая наука в нашей стране.

Мы восхищаемся (и по заслугам) книгами американца Поля де Крои, умеющего превращать в захватывающие новеллы лабораторные опыты своих соотечественников, зачастую никому неизвестных научных деятелей. Почему же издательствами и писательскими организациями почти нигде не сделано для того, чтобы вырастить нашего, советского Поля де Крои?

«Взрослые» литературные издательства были бы просто шокированы, если бы им предложили включить в план такие книги, а писательские организации по большей части только не признают опыты своих соотечественников в авторах таких книг, как бы своих меньших братьев, но и вообще несогласны считаться родными с ними.

Нам приходится слышать шумящим по этому поводу многих литераторов:

— Помилуйте, при чем же здесь литература? Это же скорее по чести ОИИ или Меладзи. Это же по-пу-ля-ри-за-ци-и!

— Ну, а Поля де Крои?

— Гм, Поля де Крои — совсем другое дело.

— Ну, а другое дело? Об этом почему-то не говорят.

Скажем сразу: «вредная черепашка» — это есть произведение уровня книги Поля де Крои: в нем есть все, что есть в беллетристике, недостаточная откровенность слова и неожиданно сухие, «газовые» куски.

Но она решительно порывает с тонким «разговором» о науке тонким дьячком.

Вот почему, отмечая удачу писателя, надо отметить и удачу издательства «Молодая гвардия».

ЖИЗНИ

(ПО ПОВОДУ ОДНОГО СБОРНИКА)

У вас в руках новая книга. Ее создавали люди, живущие в разных концах Союза, представители различных профессий. У этих писателей нет и не может быть глубокого знания прошлого, опыта, как не от них, издательского слова о людях сегодняшнего дня, о сверстниках, товарищах? Вы заранее готовы простить им известную неуверенность, стилистические шероховатости, гримасы. Эти недостатки проходят с годами. Их можно винить ради новых, по-молодому острок наблюдений, ради героичности, юности неслых чувств. Этих ощущений мы открываем в сборнике «Звеню», недавно выпущенный издательством «Советский писатель».

Первый же рассказ убеждает, что нет ни малейшей необходимости быть чрезмерно снисходительным. Автор «Калмыцкого брода» Г. Коновалов владеет писательским мастерством. Не все ли равно, чем занимается тот Коновалов: преподает ли он, как обыкновенно авторы послесловия, или же стал писателем-профессионалом? Мы имеем дело с человеком не только талантливым, но и искусственным в литературе. Это в известной степени относится к большинству участников сборника. Они не нуждаются ни в какой силке.

Какие же свежие слова о современности, о молодом советском человеке слышим мы из уст этих молодых и достаточно умелых писателей?

«Калмыцкий брод» Коновалова написан на тему о большой советской Провансе — колхоза Гурьян, человек с черным и сухим лицом, убогий возможного недорода и голода, которым был наугад в детстве, украл мелкое колосовое зерно, и за это был выслан из завхоза Лаврентия, дядю Гурьяна, некогда спавшего жизнь племяннику. Лаврентий арестован. И Гурьян начинает мучить совесть... Автор достояния в своем рассказе, как возникают у Гурьяна угрызения совести, как они нарастают. Когда Гурьян сознается, мы радуемся не только за освобожденного Лаврентия, но и за своего героя. Коновалов дал почувствовать, что в этом преступнике скрыто нечто хорошее, способное развиться. Бедно только в том, что Гурьян со всеми своими переживаниями и мучениями может быть легко переиндуирован на писательский язык.

Конечно, Гурьян — председатель колхоза, житель советской деревни, но это чисто внешние, анкетные данные. Они не находят никакого отражения в психологии героя. Колхозное в Гурьяне обрисовано в общем правильно, но в трактовке его образа не чувствуется дыхания нашего времени, печати наших дней.

Мы отнюдь не возражаем против темы. Этическая проблема, проблема совести, жизни и адекватности для каждого из нас. Но мы — дети нашего времени — в психологии различаем ее как-то иным образом тем, скажем, наши отцы. У нас велика и поучительная сила примера сверстников и чужих людей, борю за дело коммунизма. Мы привыкли к рилы, другие образы, другой характер переживаний. И мы вправе требовать от писателя нового, современного нам разрешения темы или хотя бы ее постановки.

Вот почему мы не можем согласиться с М. Мооловым, автором статьи, помещенной в «Литературной газете» от 1 декабря 1939 года, что рассказ Коновалова «хорошо» своей внутренней воспитательной идеей — этим недозрелым качеством русской литературы. Замечательное качество русской литературы заключается в том, что она всегда остро и глубоко откликалась на насущнейшие внутренние вопросы, выдвигает современность.

Русский писатель всегда жил в своем времени, чувствовал, понимал, и умел смотреть вперед. Коновалов же, используя ситуацию, которую можно (хоть и не очень характерно) для наших дней, отодвинул героя назад, наделив его психологией, замаскирова-

ной из литературы прошлого века. Поэтому, должно быть, Гурьян и получается таким слабообразованным. Ведь читатель совсем не ожидает от себя узнать, что герою «Калмыцкого брода» только 25 лет.

Гурьян является нам простым человеком, которого автор по странной приуде наделил фальшивым паспортном. Неубедительны, нежизненные и образы молодых героев других рассказов Коновалова — Борюшка и Колька.

Вот Гришка и Максим — действующие лица рассказа В. Некрасова «Любители». Оба эти парня и предает их любовь — девочка. Любительница писателя автора — романс представительницы новой деревни. Автор щедро наделяет их лучшими качествами: смелостью, страстным стремлением к знанию, благородством, упорством в достижении цели и т. д. и т. д. Однако эти качества переключаются сухо, как в анекдот. Мы не видим за ними живых людей.

Гришка же такую деталь: Любоня избегает встречаться с серьезным Гришкой, явно предвостанавливая его героиню Максиму, но как только Гришка высветит корону «Колодецу», сердит Любоня толкает Гришку обидеться и сдается. Это — посылка упрощенчества. На подобные чувства способны только марionетки, какими в сущности и получаются персонажи рассказов.

Автор, конечно, напрасно рассчитывал, что читатель пожелает успеха обаянию героини: «Максиму за удачу, Гришке за самообладание, соединенное с мечтой». Благодаря Гришке и Максиму в изображении Некрасова кажется мелодраматичным и сентиментальным. Использование положения вполне вероятное, возм. людей, которые могли бы стать типичными автор сумел раскрыть их характеры, акцентировать в них жизни.

«Любители» — одно из тех серых и плоских произведений, где все как будто «правильно» в свой момент. В эти моменты и предстает одиозно: горячий, трепетной жизни. Этот недостаток не искупить точностью «лошадной психологии», безразлично к тому же полнейший из «Колостера» солонгого. Нет, не будет читатель искать успеха таким искусственным героям ни в жизни, ни в литературе!

О молодых людях говорится и в коротком рассказе Ю. Сотника «Гутыка». Мы никак не разделяем того недоговора, с каким обрушивается на этот рассказ критик М. Моолов. Существует мало не очень благодарный «список критиков, когда автор статьи, прикидываясь непонимающим, излагает содержание произведения внешне как будто и правильно, но опускает те самые звенья, которые составляют его суть.

Подлинное содержание «Гутык» таково: работа молодых людей, возвращающихся с фронта. Моолов, встречаясь в Керченске с Гутыкой, человеком явно опустившимся, Гутыка трется около компании, прихлебательствует. Молодые люди относятся к нему в общем снисходительно.

Но как-то Гутыка поворачивается к своим знакомым, выжужжанным бутылками и всякой свечью. Из слов его и показаний им письма товарища узнают, что угодил куда-то на средства Натан, известны Гутыке, и Гутыка от туберкулеза. Гутыка продала медаль, чтобы пригласить любимую человеку денег на дорогу и увидеть его перед смертью. Гутыка предпочел пропить эти деньги.

— Я вообще с женщинами очень небрежно общаюсь», — завистливо заявляет он.

Зомблирующие юности прогонит Гутыку, отодвинув все свои чувства большой девушке и шпунт ее, нежное письмо.

М. Моолов обвиняет автора и действующих лиц рассказа в безразличном отношении к жизни. «Человек полон отчужденности, в сердцах людей элементарных человеческих чувств по отношению к несколько искривленной и униженной душе человека», — воскли-

цет он. Нам, в свою очередь, известно другое: неужели как-то отношение к женщине, к умирающему человеку — признак всего-навсего «несколько искривленной» души? Неужели же в мире есть товарищи Гутык, каждый из нас не поступил бы так же и не выжидал бы негодия, вместо того чтобы дождаться, «как дошел ты до жизни такой», что, видимо, предлежит критике?

Другое дело, что автор — романс — делает какой-нибудь намек на предосторожия Гутык.

На шпунт взгляд, недостаток рассказа Ю. Сотника не в «бесчеловечном» отношении к герою, а в том, что герой этот литературного происхождения, прообраз его следует искать не в жизни, а в фантах. Рассказ «Гутыка» — это попытка интереснейшего — попытка сказать, жизнь нашей молодежи на Севере), а целиком литературная вещь, еще крайне несомнительная. Здесь не приходится пока говорить о настоящих образах в характере.

С изображением молодой советской девушки мы встречаемся в повести А. Соловьевой «Отец». Сестра Натан, которую мы видим отца — человека, которого она совсем не знает, так как он предоставил воспитание дочери дедушке и бабушке. Вскоре выясняется, что отец и дочь не только чужие, но и враждебные друг другу люди.

Проблема, затронутая в повести, могла стать глубокой и даже трагической. Однако автор предпочел пойти по линии наименьшего сопротивления, противопоставил друг другу крайне несерьезных людей: пошла-отец и девушку, психологически образ которой знаком нам по повести И. Чарской.

Что может сказать читатель о Нале? Это — несколько экзальтированное существо с избыточным умом. У нас нет еще настоящего идеала, но в сумасшествии, которое мы считаем нас ее дальнейшей судьбой. Все высказывания Нади лишены и незначительны. Трудно сказать, почему писательные выкладки остановились на этом уровне. Неужели в молодом представителе молодого поколения. Право же, жизнь могла дать тысячелетия ярких и интересных прожитов.

Почему же автору не удалось трагическое, но незначительное произведение. Оно легко читается и еще легче забывается. Эта повесть затрепала только жизни, сопрягавшись с ней, но не достигла ее точности.

Вопрос, затронутый Соловьевой, частично разрешен, частью наметены слишком поверхностно.

Поверхностность, неумение проникать вглубь, отсутствие современности в подлинном смысле этого слова характерны для большинства рассказов, помещенных в сборнике. Авторы их чаще всего движутся по пути, проторенному до них десятками других писателей, не пытаются влезать в самую жизнь, нашедшую величия долгами жизни нашей великой родины, в тушу кипения вокруг них, близкого им материала. Они не проявляют никакой настойчивости в постижении жизни, никакой дерзости, точно все время боясь сорваться, сбиться. Поэтому темы, которые они затрагивают, остаются немыми, безразличными, второстепенными для чужих, второстепенными для них самих. А ведь писатель, который рождается тогда, когда он находится в центре жизни!

Вот причина той неудовлетворенности, с которой вы оставляете книгу. В сборнике есть много интересных, даже хороших рассказов, но они не отвечают нашим ожиданиям, нашим глубоким вопросам.

Почему молодые писатели движутся так несмело? Вы и пишущие биографии лучших современников. Если бы не все это, мы бы столкнулись с рутинной, костыльной логикой, противившейся их дерзавию. Вы приносите рассказы Манюшиночки, которая выполняла задание на себя обязательство, хотя природа как нарочно становилась ей поперек.

Неужели же перед молодыми писателями нет задачи? Мы сыты по горло идеями, идеями, идеями. Мы сыты по горло идеями, идеями, идеями.

Итак, и в нас еще слишком много для того, чтобы жить настолько, хотя и знаем, хотя бы поиски — мы отсюда разделили их с вами.

Место барса

РАССКАЗ

Клетка стояла в вешетнем саду, под деревьями вековых карагаев. В ней томился барс. Зверь лежал, положив голову на передние лапы, и, поджав задние, готовый к прыжку, пристально смотрел на нас глазами стального цвета.

Мы наблюдали за ним вместе с прославленным охотником Тянь-Шаня Джумабеком. Это мой шестой барс! — сказал Джумабек.

Положившись барсом, мы отошли в глубь сада и сели под белый ствол вешетней яблони. Джумабек рассказал мне, как он поймал этого барса.

«Охотник Нурмат, друг Джумабека, пять дней высматривал зверя в горах Сары Джаз. Нурмат несколько раз выходил с места, но зверь, точно кем-то предупрежденный, уходил. Два утра охотник пролежал на скале за камнями, наблюдал за армярами¹, что паслись в долине. Армяры вели себе тревожно. Вокзал, стоя на высоком месте, всматривалась вальд, прислушивалась к шорохам, наблюдала за полетами орлов. По поведению армяров Нурмат понял, что их выгнали барс. Вероятно, барс будет их подстергивать на тропе, по которой они уходят с пастбища на дневной отдых.

На следующее утро Нурмат залез на тропе армяров и, не выдав себя, два раза пропустил мимо себя стадо на пастбище и обратно. Барс не показывался. На третий день Нурмат перешел хребет и вышел в ущелье. Здесь, на неприступных скалах, гнездились орлы-ягнятники. Они высматривали в ущелье косяки с детенышами, нависали на них, уносили ягнят в свои гнезда. Орлов было несколько семей. Веснами, в брачную пору, в ущелье раздавался пронзительный клекот самцов. Орлы устранили из-за самок воздушные поединки. Охотники за орлами не раз пытались добраться до гнезд, чтобы взять орлят, но, как они старались, им не удавалось подняться на отвесные скалы. Нурмат думал, что барс пробрался в ущелье. «Орляний двор», ближе к пастбищу косяк. Охотник обещал знакомые тропы и на одной из них увидел четкие следы барсов. Зверя здесь было, но ушли выше, в горы.

«Встретимся!» — подумал Нурмат.

Он вернулся к пашану, взял тайганов (горных охотничьих собак) и пошел по следу барсов.

След вел на перевал. Собаки убежали вперед, не обращая внимания на армяров, что паслись по склонам гор.

Охотник пробрался по еле заметной тропе. Собаки добежали до крошки льда и здесь остановились, нетерпеливо ожидая хозяина. На льду следов не было.

Барсы переждали хребет.

Нурмат поднялся до перевала и устроился на ночлег за большими камнями. Собаки лежали рядом с ним, свернувшись комочками, издавая подымяний голоны и прислушиваясь к шуму горных потоков.

Собаки Нурмата свалились на Тянь-Шане как самые злобные и выносливые. Тайганов ценится больше. Киргиз-охотник отдал за тайгана хорошую сумму. В споре Нурмата был знаменитый тайган «Поротое ухо», который не раз аступал с барсом в единоробство. Самка «Неустрашимая», сукошанка, зрившая на вид

собака, бросалась на барсов с необузданной яростью. Третий тайган, «Шайтан», был безразличен в погоне за армярами. Он прыгал через пропяти.

Пятей хребта вымывали. Буря в высокогорьях поднимала снег, и он, похожий на дым, заваливал острые вершины ледников. Рано утром Нурмат осмотрел долину, куда ушли барсы. Из этого ущелья не было выхода, кроме тропы, которой сюда пришли зверя, а за ними охотники. Барсы были в «ешкек». Нурмат отпустил собак, и они кинулись в ущелье. Оно заросло арчей, шиповником с белыми цветами, распространяющими приторный запах. Вдур «Поротое ухо» взвизнул, перемаяхнул через куст шиповника и скрикнул. «Шайтан» и «Неустрашимая» последовали за ним. Нурмат подошел на камень, с которого было видно все ущелье, и стал наблюдать за собаками. Он видел, как собаки мелькали между арчей. Потом до него донесся отрывистый лай «Поротого уха».

— Погляди! Беря, беря! — закричал взлохотннно Нурмат.

Через несколько минут Нурмат увидел, как барс перемаяхнул саженым прыжком через куст и ушел в скалы. Подруга гата, обманув собку, уцмчалась в противоположную сторону.

«Поротое ухо» потянулся за громадным пятнистым красавцем. Чтобы уйти от тайганов, барс начал лететь. Он два раза пробегал по кругу, потом прыгал в сторону, пытаясь напугать собак по ложному следу. Не раз он сбивал с толку ослобленных собак и, забравшись в скалы, наблюдал, как тайганы ры-

Фото П. Мамуляова.

Барс пойман.

скаки по кругу. Но «Поротое ухо» не впервые встречала киргизов. Несколько мгновений собака раздумывала, потом отбоялась в сторону от круга и опять пошла вперед, делая рядок с первым автором круг. «Поротое ухо» искал зверий след зверя. Вот он взвизнул и уве-

рени пошел выше, в скалы. Собаки усматривали зов вожака и последовали за ним, охраняя его с двух сторон.

Барс мимовол арчевые заросли, альпийские дуги и тут же выскочил на поляну. Собаки сразу прыжки и вратался в зарослях камней. Казалось, еще немножко — и он уйдет. Но барс мушкетовал, что его настигает тайган. Он слышал дахание передней собки. Наконец, он увидел спасенье. Он выбрал площадку, окруженную с трех сторон отвесными каменными стенами, а с четвертой — обрывающимися в пропасть. Паркерыгугу! — прощаль было легко. Вот и площадка. Барс нагнул мускулы, поджался и прыгнул... Зверь уже видел под собой пропасть, но в это мгновение на него бросился «Поротое ухо». Барс ударился и хотел смить противника, но полови на его туловища висела над пропастью.

Прибежал Нурмат. Он подполз к барсу, вытащил его на площадку и набросил на него халат.

Барс боек темноты. Под халатом, закрывающим ему глаза, он становится беспощадно и смирнее. Нурмат стал заглядывать хитринку часть, но при этом неосторожно задел халат, и барс увидел свет. К зверю вернулись ослеп сила и уверенность. Он вырвался и прыгнул в другую сторону площадки. Нурмат остался на краю пропасти лицом к зверю, готовому к нападению.

— Беря, беря! — закричал Нурмат собакам.

«Поротое ухо» не тронулся с места: он знал когти и спорную барса, он знал, как опасно опрометчиво кидаться на зверя.

На барса кинулся «Неустрашимый». Она не рассчитала удар, и хитринку нанес ей смертельный прыжок котвины Собака отпала, пошатываясь, и упала у ног Нурмата. «Поротое ухо» перемывался на месте, вложившись в щелкай кликами. Рядом с ним стоял «Шайтан». Осмелевший барс прыгнул на охотника.

Нурмат не успел нахмуричь его на голову халат. Зверь зацепил когтивую руку Нурмата за шею локтя и содвинул коготь. Но распрямившись с охотником барсу поменял «Поротое ухо»: тайган прыгнул на барса как раз в ту секунду, когда зверь бросился на охотника. Барс отлетел отосколка к скале. Он второй раз кинулся на охотника, но опять «Поротое ухо» ему помешало.

Нурмат отступил на самый край площадки, к пропасти. Барс и тайган рычали и щелкали кликами.

— О-о! — закричал Нурмат.

В ущелье отозвались громкозлов по неохотным ледникам Тянь-Шаня эхо: «О-о-о!»

Когда в горах Тянь-Шаня раздается этот зов, все охотники должны спешить на него. Нурмат сначала рассчитывал на помощь случайных охотников. Через несколько минут в ущелье как будто снова вернулось эхо. Джумабек шел в ущелье по следу Нурмата и в отсвет проморгивал.

О-о-о! Иду!

Джумабек забрался на каменную площадку, не раздумывая, скинул с себя халат и пошел к барсу.

Барс яростно зарычал и прыгнул. Он был на уроне голоны Джумабека, и тот видел его развинутой лапой. Но в ту секунду, когда барс хотел нанести удар, Джумабек навстрел его халатом...

— Вот так и поймал шестого барса! — сказал в заключение Джумабек. — Хорошо, что у Нурмата собка была добрая...

Барс лежал в клетке притихший, будто его успешной девкой рассказа Джумабека...

¹ Армяры — горные козлы.

Не знаю ли, что ведь теперешней войны в Европе не в том, о чем говорят в официальных выступлениях для широкого круга слушателей во Франции и Англии, — в борьбе за демократию, а в чем-то другом, о чем на говорит это господство отщепеное. (Из речи тов. Молотова на внеочередной 5-й Сессии Верховного Совета СССР.)

ПРИМЕР ИЗ ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

ГОРОД БЕЗ ДЕТЕЙ

Н. В.

«Город без детей» — так называли Лондон в первые недели войны. Еще за несколько дней до начала войны английские власти распорядились эвакуировать на столицы детей младшего школьного и дошкольного возрастов. 675 633 детей были вывезены из города в течение нескольких дней. Школы закрылись. Школьные помещения заняли правительственные, главным образом военные учреждения.

Облик города быстро изменился. Улицы, сады, парки опустели. По аллеям садов и парков бродили лишь небольшие группы одичавших, оборванных подростков; из «школьного эвакуационного» возраста они уже вышли, а взрослые еще не подмяты...

Английская писательница Сторм Джемисон опубликовала в американском журнале «Атлантический монтаж» очерк, в котором дала любопытную картину «Лондона без детей». Вот несколько выдержек из этого очерка:

«Какжется, будто какая-то фантастическая эпидемия опустошила город, скопив всех, что моложе 15 лет. Впрочем, нередко можно увидеть ребенка. Вот парк Кенсингтон-гарденс, предназначенный для детей состоятельных родителей. Сегодня утром на огромной площадке парка ровно пятеро детенышей резвятся под надзором трех инек. Раскрыв газету, я предчувствую к беседе инек.

— Я думала, что вы уехали уже в субботу», — говорит одна.

— Я сама думала, что уедем. Но ее милость в последнюю минуту сказала, что лучше положить. Она говорит: «Не так уж велика опасность, как думают, к тому же мы ведь потратили 500 фунтов стерлингов на устройство бомбоубежища у себя дома». Однако секретаря утром секретарша сказала мне, что ей приходится написать управляющему мнением в

Потом я и узнать, приготовлен ли дом. Так что в скором времени мы, должно быть, все же уедем.

— Не понимаю, почему мы задерживаемся здесь, если даже дети бездельно выжидают.

Риджент-парк, окруженный элегантными домами, находится поблизости от двух запущенных участков Лондона — так называемых Камден-тоуна и «квартала трущоб» за вокзалом Паддингтон. Очаровательные джунгли на берегу канала в течение полутога полны детским шумом: здесь играют грязные, оборванные детки под присмотром «сошедших» инив в возрасте 8 или 9 лет. Сейчас нахожу тут двух девочек. На их личиках пыль, грязь и печать ответственности. Они притаились сюда голоугого мальчика и пару завернутых в грязные тряпки грудных младенцев. Тут же лежат две знакомых картонных коробки с газовыми масками, бутылочка с молоком и равная шаль.

— Я вижу, вы уже запаслись газовыми масками? — спрашиваю я у восьмилетней девочки.

— Ну да, пришлось. Одна для маленькой, другая для меня. Для самых маленьких у нас масок нет. Вот замечательно я буду выглядеть, если придется бежать домой в газовой маске со всем этим добром.

Девочка засмеялась.

...В центре Лондона, в Банковском квартале Сити, имеются скверики, которые остались в таком виде, в каком они были несколько веков назад. Здесь детки всегда играют в камешки, этой игрой забавлялись, наверно, дети еще в древней Трое. Теперь дети исчезли. Два толстых коммандера прохаживают через сквер с большим достоинством, вооруженные газовыми масками.

Лондон вдруг сразу постарел. Лондонские дети имеют привычку страствовать. Они ухаживали в целые мили от дома, возмужав к тому совсем маленькими, чтобы посмотреть на Набережную, на Гайд-парк, на пруд в Хемпстеде. Прошлым летом поместим принудили мальчика, который хотел накупиться в фонтане на площади Трафальгар-сквер. Мальш сказал, что ему три года.

— А где ты живешь? — спросили его.

— На Хэви Марш.

— Хэви Марш — это три часа ходьбы по джунглям уличного движения.

В течение нескольких дней Лондон стал таким, каким он будет выглядеть через 50 лет: будут ли целые мили не будут; будут ли бомбы или нет. В Англии расклевается с каждым годом все меньше и меньше детей. Если город покинут похмельнолю взрослые, это не отразится на его облике. Но без детей облик города резко изменился.

...Тишина в комнатах, во дворах, на площадках для игр, на улицах, в парках, на набережных. По ночам женщины, просматривая тревожно прислушиваясь и вдруг вскрикивая: ведь никого нет! Эта тишина волнует людей, наводит их на размышления, а ведь правительство не может эвакуировать мысли своих граждан.

Так выглядел Лондон в первые недели войны. Английская писательница дала яркую картину «города без детей». Она не рассказала, однако, в каких условиях состоялась эвакуация и что произошло дальше с вывезенными из столицы ребятами.

Напутанные разговором о воздушных бомбардировках матери со слезами отпустили детей. Дети были эвакуированы из города в максимальном коротком срок, но на вокзальном месте их ждали многолюдные мигранты.

В Лондоне, откуда эвакуировали детей, закрыли все школы. А в местах, куда были доставлены дети, новых школ и достаточном количестве не открыли. Эвакуированные дети отучились на положении беспризорных...

Уже через несколько недель началась обратная тяга эвакуированных детей в Лондон и прочие города. Дети возмущались, дома стихийно, несмотря на все попытки властей воспринять этому. В докладе эвакуационной комиссии, представленном министру внутренних дел, указывалось, что в некоторых случаях возвращалось обратно до 50 и даже до 75 процентов эвакуированных детей. В этом докладе содержится признание, что «эвакуация кончилась провалом».

НОВЫЕ РАБОТЫ МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ

Новые интересные произведения молодых советских художников были недавно показаны на выставке дипломных работ художественных вузов в Музее изобразительных искусств имени Пушкина в Москве. Здесь были представлены произведения живописи, скульптуры, графики выпускников Всесоюзной академии художеств (Ленинград), Московского изобразительного института, Украинского художественного института (Киев) и Тбилисской академии художеств.

На этой странице мы даем репродукции нескольких произведений молодых художников. Эти произведения встретили теплый прием у посетителей выставки.

На снимках (сверху вниз):

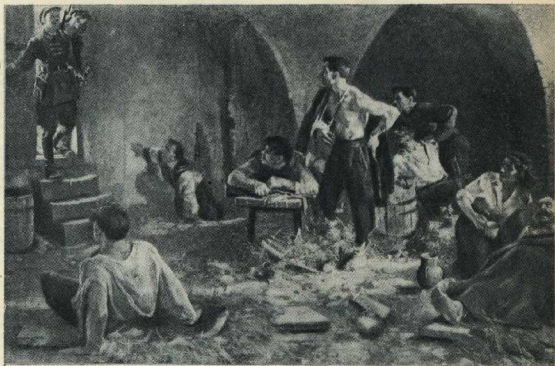
«Смотр юных дарований» в Государственной филармонии». Худ. Л. А. Острова.

«Наши пришли». Худ. М. И. Иванов.

«Котовский разоружает банду Махно». Худ. Ф. Ф. Кличко.

«Танец узбечки».
Скульптура Е. Г. Белыевой.

Шахматы

Отдел ведет Л. Гугель

Задачи наших читателей

Задача № 129
Н. Ковалев (ст. Краматорска).

Белые, начиная, дают мат в два хода.

Задача № 130
В. Левинский (Лариоков).

Белые, начиная, дают мат в два хода.

Задача № 131
В. Щоломов (Москва).

Белые, начиная, дают мат в три хода.

Из старых композиций

Задача № 132
А. Мари — 1921 год.

Белые, начиная, дают мат в два хода.

Задача № 133
М. Нимейер и И. Гаргонг — 1921 год.

Белые, начиная, дают мат в два хода.

Этюд № 22
Н. Григорьев — 1927 год.

Белые, начиная, выигрывают.

Двухходовки № 132 и № 133 составлены на основе популярной в композиции теме перекрестия.

В задаче № 132 после вступительного хода 1. Лf7—e5 белые угрожают дать мат: 2. Лf5:e5. Для защиты черным достаточно отступить конем e5. Но куда бы он ни отступил, вслуду он закрывает действия своих же фигур, что, как говорят, их перекрывает.

1... Кe5—f3 (Кd3) 2. b3:a4 X;
1... Кe5—e4 2. Кd3—f4 X;
1... Кe5—e6 2. Фe8—f7 X; 1... Кe5—f7 2. Кe7—e6 X и т. д. Всего черных ходов играет восемь раз. Задача № 133 дает эту же тему в несколько ином сочетании. После 1. Фa5—a8 черные должны защищаться от мата Фa8—f3. Они играют: 1... Са1—d4 + 2. e2—e3 X; 1... Лd7—d4 2. Фa8—h8 X. Как мы видим, здесь черные слон и ладья взаимно перекрывают друг друга на поле d4. Такое взаимное перекрестие двух разноцветных фигур на одном поле носит название перекрестия Гримшоу. Второе Гримшоу в этой задаче проходит на поле d5 (1.

...Ca2—d5 2. e2—e4 X и 1... Лd7—d5 2. Фa8—e8 X).

Этюд № 22 безразлично умершего замечательного мастера пещных этюдов Н. Д. Григорьева по справедливости считается классическим. Даже при внимательном рассмотрении композиции трудно поверить, что белые могут добиться ничьей. Но задача — выигрыш! Достигается он следующим образом:

1. f5—f6! e7:f6 2. d4—d5! e6:d5 3. Кg3—g4 e4—e3 4. Кр4—f5 c3—c2 5. Кf5—e6! e2—c1Ф 6. Крe5—f7 (у белых появляется угроза: 7. g6—g7+ Кf8—h7 8. g7—g8Ф+ Крh7—h6 9. Фg8—g7+ Крf8—h5 10. Фe7—h8+ Крf8—g4 11. Фh8—h3+ Крg4—f4 12. Фh3—f3+ (Если бы в первом ходу черные сыграли e6—e5, то белые бы получили бы мат 12. Фf3) 12. Крe4—f5 13. Фf3:f6+ Крe5—e4 14. Фf6—g6+ и белые выигрывают.

Блестящий этюд!

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Атака на позицию рокировки

Король, совершив рокировку, оставляет себя сравнительно беззащитным перед атакой со стороны пешки. Надо проявить много умения и наход-

чивости, чтобы пробить этот пешечный заслон. Партия М. Ботвинника—В. А. Алаторцев (турнир в Ленинграде,

1934 год) пришла к такой позиции:
Белые: Крf1, Фe2, Лa1, h1, Cd3, e5, Кc3, f3, п. a2, b2, d4, f2, g2, h2 (15).
Черные: Крg8, Фh8, Лa8, f8, Сe8, e7, Кd7, f6, п. a6, b7, c6, d5, f7, h7 (15).
Ход белых

Ботвинник, игравший белыми, энергично взорвал пешечный оборонительный заслон своих фигур: 1. g2—g4! (угроза 2. Сg5:f6 Кd7:f6, 3. g4—g5 h4, Сd3:h7 + с выигранием пешки) Кf6—g4, 2. Сd3:h7 + Крe8—h8, 3. Сg5—f4 (белые избегают размена, который позволил бы черным левые растения фигуры) Кf7—f6, 4. Сh7—d3 Кf6—h5, 5. h2—h3! Кf4—f6 (белые избегают размена, который перемещает силы на защиту позиции рокировки), 6. 0-0-0 Кg8—h6, 8. Лd1—g1 (белые избегают отъезда ладьи) Кh6—e9, 9. Фe2—e2 Сe6—f5, 10. Сd3:f5 Кh6:f5, 11. Кf3—h4! Теперь белые выигрывают по меньшей мере фигуру. Варианты разбирает сами.

Пауль Морфи

Замечательный американский шахматист Пауль Морфи родился 22 июня 1837 года в городе Новом Орлеане. Десять лет он научился играть в шахматы. Через полгода он уже обыгрывал своего учителя-ладоу, считавшегося лучшим шахматистом города.

В 1850 году, когда Паулю Морфи не было полных тринадцати лет, он выиграл матч у одного из сильнейших мастеров Америки (в то время жившего в Англии), И. Левенталя. Победил он и другого первоклассного игрока — Руссо, который так горчился поражением, что насреда бросил играть в шахматы. Юному чемпиону порадовало блестящую будущность. Однако он на шесть — семь лет почти отошел от шахмат, занятый обучением в средней школе и в университете.

С 1857 года Морфи привлекает к себе внимание всего шахматного мира.

В ньюйоркском турнире он из 37 партий выигрывает только 4 и занимает первое место. Он играет любящего из шахматистов Америки сыграть с ним матч, обещая дать вперед пешку и ход. На его вызов решительно откликнулся только один шахматист — Стенди. И Морфи буквально разгромил его, выиграв из 5 партий 4.

Не находя уже равных себе в Америке, Морфи едет сражаться с шахматистами Европы. Но и там он выигрывает все матчи. После того как Морфи выиграл матч у крупнейшего шахматиста

Следующий пример, взятый из партии Алехина — Рубинштейна (турнир в Капабланке, 1923 год), показывает, как нужно проводить мобилизацию фигур для штурма уже ослабленного королевского фланга.

Белые: Крg1, Фe5, Лe1, f1, Сe4, Кg5, п. a4, b4, f2, g3, h2 (11).
Черные: Крh8, Фh8, Лd7, d8, Сe8, f8, п. a6, b6, e6, f7 (11).
Ход белых

Белым нужно как можно быстрее переборщить ферзя на ладью h. Путь ему загородивают слон e4. Если белые сыграют слонам, скажем на b1, то у черных будет время, чтобы подготовить защиту линии h. Поэтому белые уведат слона с темпом: 1. Сe4—g6! (угрозой ходом 2. Кg5:f7+ выигрывать ладью и пешку за коня). Если 17:g6, то 2. Фe6—g2 (грознит 3. Фe2—h3 + с матом на следующем ходу) Сf8:b4, 3. Фe2—h3 выигрывает 4. Фe6—h7 + Крg8—f8, 5. Фh7—h8 (если e7, 6. Фh8:g7 Крe7—e8 6. Крe7—d6, то 7. Лd1—d1), 7. Фe7—g8 + с матом в три хода.

Европы А. Андреева (результат матча: +7, —2, =2 в пользу Морфи), современники признали, что равных ему по силе игроков нет.

Спустя несколько лет Морфи отошел от шахмат. Он умер в 1884 году.

Личная заслуга Морфи в шахматном искусстве состоит в том, что он ввел в шахматную стратегию принцип быстрого развития. Партии его поражают энергичными атаками и эффективными комбинациями.

Вот окончание одной из игранных им партий. Следует заметить, что Морфи играл ее одновременно с четырьмя другими партиями, не глядя на доску. Такая игра называется игрой «вслепую». Она достается лишь сильнейшим игрокам. Морфи играл «вслепую» сразу до 8 партий.

Белые: Крg1, Сf3, Лe1, f1, Сb2, c4, п. a2, f4, f5, g2, h3 (11).

Черные: Крh8, Фh8, Лa8, f7, Сe8, Кe5, п. a7, b7, c7, d5, g7, h7 (12).

Ход белых

Морфи, игравший белыми, показывает: 1. Лe1—e8! Фh8—e8 2. Фe3:f6! Фh8—e7 3. Брать белого ферзя нельзя из-за мата. 4. Фh8:g7+! Фe7:g7 5. Лf5—f6! п черные проигрывают.

Например: 4... Фe2:g2 + 5. Кр:g2, С:h3 + 6. Кр:h3, h6; 7. Лd1 и выигрывает.

Шахматная азбука

a7	b8	c8	d8	e8	f8	g8	h8
a7	b7	c7	d7	e7	f7	g7	h7
a6	b6	c6	d6	e6	f6	g6	h6
a5	b5	c5	d5	e5	f5	g5	h5
a4	b4	c4	d4	e4	f4	g4	h4
a3	b3	c3	d3	e3	f3	g3	h3
a2	b2	c2	d2	e2	f2	g2	h2
a1	b1	c1	d1	e1	f1	g1	h1

Вы хотите записать игруемую вами партию. Вам нужно написать решение задачи, которую вы встретили в журнале.

Как это сделать? Каждый из 64 квадратиков (или полей, как их принято называть) доски носит свое название. Зная эти названия, вы уже можете сделать или записать, что фигура, стоявшая на таком-то поле, пошла с него на такое-то поле.

Нет шахматная доска с названиями полей:

Запомнить эти названия трудно, нужно лишь выписать в систему, по которой они строятся.

Легко заметить, что поля каждого вертикального ряда имеют в своем обозначении одинаковую латинскую букву. Так, в названиях поля первого ряда слева входит буква «а», второго ряда — «в» (читается как русское «б»), третьего — «с» (русское «к»), четвертого — «д» (русское «ж»), затем идут «е», «г» (ф), «е» (русское «я») и «и» (ш).

По горизонтали точно так же поля имеют цифры — от 1 до 8. Иначе говоря, название каждого поля складается из буквы того вертикального ряда, в котором оно расположено, и цифры горизонтального ряда. Заметим кстати, что все расчеты ведутся от стороны белых.

Названия полей нужно запомнить очень твердо. Без этого трудно освоить шахматную игру.

Запомните условные краткие наименования фигур. Они просты: от названия фигуры берется лишь ее начальная буква (или две — у короля): Ферзь — Ф, ладья — Л, король — Кр, слон — С, конь — К, пешка — п. (или пишется вообще без «имени»).

Ход записывается так: указывается название фигуры, затем — поле, с которого она идет, и поле, на которое она встала. Например: Кв5—с4 (конь пошел с поля а5 на поле с4). Если при этом снимается неприятельская фигура, то вместо тире ставится двоеточие (Кв5:с4). Шах обозначается знаком + (Кв5—с4+), мат — знаком × (Кв5—с4×). Рокровка в короткую сторону — 0-0, в длинную — 0-0-0. Хороший ход изображается восклицательным знаком, плохой — вопросительным.

Чтобы проверить себя, разгруппируйте такую небольшую партию:

Белые	Черные
1. е2—е4	е7—е5
2. Кg1—f3	d7—d6
3. Cf1—с4	Сс8—с4
4. Кb1—с3	Кb8—b6
5. h2—h3	Сg4—h5?
6. Кf3:с3	Сb5:d3?
7. Сс4:f7+	Крe8—e7
8. Кс3—d5×.	

Решения («Смена» №№ 9 и 11)

- Задача № 121 Г. Либераона
1. Сg3—b4
Задача № 122 В. Тихонова
1. Фg7—g1!
Задача № 123 Л. Судакова
1. Фg1—a1
Задача № 124 Н. Пирогова
1. Лb7—a7.
Задача № 125 А. Митуликана
1. Cf3—e4.
Задача № 126 А. Халамайера
1. Jel1—a1!
Крб6—b2 Крd8—e7; 1...Крб6—b7 2. Са2—d5+
Задача № 127 Е. Кесаева
1. Крg8—h8.
Задача № 128 П. Пирогова
1. Лс4—с8.

Решение конкурса задач-шуток

- Задача И. Бэбсона
I. 1. Фd2—d2+ Крa5—b6
2. Фd2—d6+ Крb6—a5
3. Сс4—с3×.
II. 1. Фe5—e6+ Крb8:b7
2. Фe5—c7+ Крb7:a6
(Крa8) 3. Фe7—a7×.
III. 1. Сс2—b3с2. Фe5—g1+
2. Сс3—e1, 3. Фg1:e1×.
IV. 1. Фd7:d5 Крf4—c4, 2. Фb6—f6 сс3. Кf1—с3×.
V. 1. Фe2—h2+ Крe5—d5
2. Фh2—a2+ Крд5—c5
3. Фa2:e6×.
VI. 1. Лf7:f8 Крd1—e3 2. Лf8—h8с3. 3. Лf8—h3×.
VII. 1. Фg2—e4+ Крg6:g5
2. Крg8—a7 3. Фe4—e7×
VIII. 1. Фd1—a1 Фd7—g7
2. Кf6—f5+ Крf8—g8
3. Фa1:g7×.

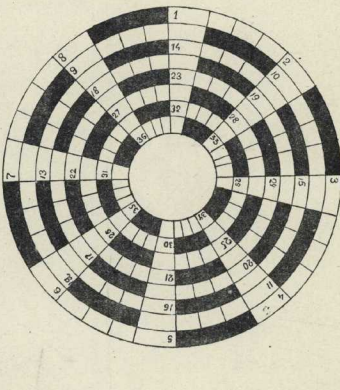
Задача Л. Петрова
1. Лh6—f6 b7—b5 2. c5:b6 (en passant) e6:b5 3. b5—b7+ Кe8:f6 4. b7—b8×!

Задача В. Паули
Король надо поставить на поле b1, тогда задача решается ходом 1. c7—e9. Если его поставить на e7, то 1. c7—e8! Решения еще несколько решений.

Задача К. Чиди
Таких положений 16; приводим 4 из них:
I. a1, b5, e8, h2
II. a1, c5, d5, h5
III. a5, c7, e1, g7
IV. b2, b6, e4, g4.

КРОССВОРД

Составил В. Выхучанин (Томск)

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ ПО РАДУГАМ:

1. Неправильность.
2. Заменить.
3. Наибольшее количество.
4. Оркестр.
5. Углубление в речи названий однозначащих слов.
6. Политический работник.
7. Славянское.
8. Деталь паровой машины.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ ПО ОБРЕЗКАМ:

9. Часть организма.
10. Краксы.
11. Осьбергенский калачий чин в царской армии.
12. Населенный пункт.
13. Высшее совершенство.
14. Архитектурный термин.
15. Кургенский музыкальный инструмент.
16. Национальность.
17. Город в Японии.
18. Термин в физике.
19. Звезда.
20. Металл.
21. Город в Японии.
22. Помощь.
23. Город в Японии.
24. Иностранец.
25. Буква греческого алфавита.
26. Инструмент.
27. Соединение развального тела.
28. Мера веса.
29. Отделение от прямой линии.
30. Часть иврита.
31. Обозначение.
32. Иезуитский храм.
33. Река в Центральной Азии.
34. Вещь в урду.
35. Восточное имя.
36. Придворная тайня.

В НОМЕРЕ:

В. ЛЮТОВА — На катке (стихи), **Ю. ШЕР** — 55 минут (открыт.), **ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ** — Посвящение (стихи), **ЛЕВ ОШАНИН** — Катая, Полутная весна, Песня о голубой аэс, **ИВАН МЕНЬШИНОВ** — Девушка с комсомол (рассказ), **СЕМЕН КИРСАНОВ** — На рубеже (стихи), **АЛЕКСЕЙ КОЖЕВНИКОВ** — Видение (рассказ), **МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ** — Стихи, **М. РОММ** — Закон ремесла (рассказ), **И. ПЕТРОВ** — Велюшка дружба (статья), **И. ЛЕЖНЕВ** — Значитель революционной агитации (статья), **АНТОН ПРИШЕЛЕЦ** — Гостиная (стихи), **ОЛГА ЗИВ** — Товарищ капитан (рассказ), **В. АНТОХИНА** — В азаре (открыт.), **В. САФОНОВ** — О вредной профессии, удале шестелта и американи Поле де Кроя (рецензия), **Ю. НЕЙМАН** — Мимо жизни (статья), **П. МАНУИЛОВ** — Шестой барс (рассказ), **И. В.** — Город без детей (открыт.) — Новые работы молодых художников. — Шахматы. — Кроссворд.

Рисунки художников: А. Шульца, Н. Жукова, И. Гринштейна, Г. Васильева, Г. Балашиха, В. Маркучева, Д. Дубинского, Ф. Фогт, И. Фигурова, В. Горюхова, Д. Добабоя, А. Бродского, НА ОБЛОЖКЕ: На лыжах в горах Тянь-Шаня. Фото М. Еркова. НА ОБОРОТЕ ОБЛОЖКИ: На озере Иссык (Тянь-Шань). Фото М. Еркова.

Ответ. редактор Ф. И. Насекина. Зам. отвед. редактора М. Л. Гольдберг.
Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. Д 3-34-24.

Ответ. секретарь редакции М. Г. Осипова.
Оформление В. И. Урманя.

Свято в номер 21/ХП 1939 г. Подписано к печати 24/1 1940 г. Изд. № 85.
Уполномоченный Главлита № А—22351. Технический редактор В. М. Фейгина.

Формат 72×110 см. 4 печ. л. 98 000 экз. в пер. 2.
Зак. 4208. Тираж 45 000.

Цена 1 рубль

